

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**СМЕРТЬ В
ПОДЛИННИКЕ**

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Смерть в подлиннике
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69848575
Смерть в подлиннике: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-193876-5

Аннотация

Еще одна книга легендарного тандема Леонов – Макеев.

В Подмосковье при странных обстоятельствах пропала пенсионерка Алевтина Голикова, в прошлом переводчица и сотрудник советского посольства в ГДР. Женщина отправилась в столицу на своей машине, а перед этим как бы невзначай обронила постояльцам, что теперь исполнится ее заветная мечта – она сделает хороший ремонт и поедет отдыхать на море. Полковник МВД Гуров предполагает, что Голикова собиралась получить большие деньги от своего бывшего коллеги по посольству. Но за что? Возможно, здесь кроется причина ее гибели. Сыщики отрабатывают круг общения жертвы и вскоре приходят к сногшибательному выводу. Повод для убийства несчастной старушки дал сам... великий Рафаэль Санти...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива.

Содержание

Смерть в подлиннике	6
Глава 1	6
Глава 2	40
Глава 3	77
Глава 4	106
Глава 5	134
Конец ознакомительного фрагмента.	140

**Николай Леонов,
Алексей Макеев
Смерть в подлиннике**

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Смерть в подлиннике

Глава 1

ГДР. Восточный Берлин.

Апрель 1985 года.

– Открою окно?

– Открывай.

– Не замерзнешь?

– Переживу.

– Ты бы разделся.

Диалог происходил в спальне. Мужчина, сидящий на кровати, держал в руках старую глиняную кружку с отколотым от бортика краем. Он с силой надавил кончиком пальца на место скола, вздрогнул и вопросительно взглянул на женщину, занятую тем, чтобы в помещение как можно скорее попал свежий воздух. Для того чтобы открыть окно, ей требовалось переделать кучу дел. Например, снять с подоконника два цветочных горшка, из которых торчали маленькие смешные кактусы, и переставить их на туалетный столик. Стопка книг также помешала бы проветриванию, поэтому женщина переместила книги на кровать. Сама кровать была разобрана, одеяло в голубом подде-

альнике смялось вдоль стены, а подушка почему-то оказалась в ногах. Глядя на весь этот бедлам, можно было подумать, что хозяйка только что проснулась и просто не успела убраться.

– Встань, – попросила женщина.

Мужчина подчинился. Он пришел сюда совсем недавно. Его плащ изрядно намок, как и шляпа. На вид ему было около тридцати, и он, считавший ранее, что шляпу носят только солидные и важные люди в возрасте, вдруг открыл для себя всю прелесть этого головного убора. Шляпы он начал носить совсем недавно. Кто-то из знакомых, увидев его в примерочной одного шляпного магазинчика, куда он заскочил шутки ради, сказал, что в шляпе он выглядит отлично, и он увлекся, стал скупать эти шляпы, но в итоге остановился на одной – на той, в которой был и сейчас.

Женщина быстрыми движениями привела кровать в порядок. Набросив на нее покрывало, посмотрела на мужчину:

– Ты бы разделся, что ли.

– Точно. Совсем из головы вылетело.

– Как это может вылететь из головы? – рассмеялась женщина. – Ты же весь мокрый.

– Не такой уж и сильный на улице дождь, – парировал мужчина.

– Не верь тому, что видишь. Пластырь в аптечке, а она в коридоре.

Но прежде, чем выйти в коридор, мужчина показал жен-

щине руку:

– Смотри: кровь. Твоя кружка меня укусила.

Она шагнула к нему, всмотрелась в ранку и тут же равнодушно пожала плечами:

– Ерунда.

– Твоя кружка опасна для жизни. В прямом смысле.

– Ей почти триста лет. Она бесценна и не подпускает к себе недостойных.

– Избавься от нее.

– Ты потом мне спасибо скажешь.

Это походило на флирт. Он и она будто бы играли друг с другом, причем имя победителя было известно обоим с самого начала.

Мужчина поставил кружку на край столика. Женщина тут же подвинула ее ближе к центру.

– Где ты ее раздобыла? – донесся его голос из коридора. – Здесь нет пластыря.

– Я ездила в Бернау, – ответила женщина, облачиваясь о край подоконника. – Сегодня утром.

– Ты так рано проснулась?

– Из-за плохой погоды сегодня там не торговали, – продолжила женщина, – но я на всякий случай решила уточнить у местных. Оказывается, на площади даже в хорошую погоду можно найти далеко не все из того, что обычно раскладывают на прилавках. Очень многое жители хранят дома. Древнюю посуду, например. Или сломанные игрушки, сде-

ланные в начале века. И некоторые этим до сих пор пользуются, представляешь? Но многие жители рады бы избавиться от чего-то, однако им лень торговать. Поэтому все это добро просто пылится на чердаках. Нужно обходить дома и специально интересоваться этим вопросом. Так я попала к ффрау Гёццель, а у нее дома нашлось много интересного. Эта кружка, которую ты держишь в руках, передавалась по наследству из поколения в поколение, но сейчас ффрау устала от старого хлама в ее доме. Поэтому она была рада меня видеть. Ты нашел пластырь?

– Нет. – Мужчина появился на пороге и молча уставился на свой палец.

– Господи.

– Поищу еще.

Женщина проводила его взглядом и бережно взяла кружку со стола. Ласково провела по ее шершавому боку пальцем. Прикоснулась к раненому бортику, на который обратила внимание еще в доме ффрау Гёццель. Она рассказала, что ему тоже много лет, но кружка «родилась» немного раньше.

Гостью ффрау Гёццель встретила приветливо, но в глубине души напряглась. Сегодня было воскресенье, часы недавно пробили восемь утра. Она не привыкла принимать в своем доме русских, а тело ее мужа Бенедикта с простреленной головой так и осталось лежать под Курском. Это случилось давным-давно, летом 1943 года, и с тех пор в дом, в

котором они должны были прожить долго и счастливо до самой смерти, не зашел ни один посторонний мужчина.

Время, как выяснилось позже, было ужасным доктором, но оказалось умелым санитаром – оно не умело лечить, но терпеливо перевязывало старые раны, оставшиеся в памяти и на сердце. О муже фрау Гёццель вспоминала все реже и лишь изредка замирала, услышав знакомое имя. Четверо детей давно разъехались по разным уголкам Германии, и фрау Гёццель, устав от безделья и изнурительных работ, неожиданно вспомнила о том, что ведь и она тоже может зарабатывать на продаже старинных вещей, которых у нее скопилось ой как много. Среди них отыскалась та самая старинная кружка, в которую и вцепилась русская женщина.

– Где вы работаете? – спросила фрау Гёццель.

– В посольстве СССР, – тут же ответила гостья и зачем-то добавила: – Я здесь недавно.

– Не очень часто бываю в Берлине, – призналась фрау Гёццель.

– А я очень редко посещаю такие красивые деревни, как ваша, – мягко улыбнулась женщина. – Но все-таки мы встретились. Меня зовут Алевтина.

Фрау Гёццель протянула руку.

– Я Агния, – представилась она и посмотрела в окно, за которым внезапно сильно зашумело. – Дождь стал сильнее, но скоро закончится. Потом снова начнется. И так по кругу, пока не выльется весь.

– Ничего страшного. У меня есть зонт.

Фрау Гёццель покосилась на туфли Алевтины. Потом на ее сумку, в которой зонт вряд ли уместился бы.

– Оставайтесь, если хотите, – со вздохом произнесла она. – Здесь такие лужи, что даже мы стараемся в такую погоду не выходить на улицу. В прошлый четверг, тоже во время дождя, недалеко отсюда в грязи увязла машина, а вместе с ней и трое здоровенных мужиков, которые старались ее вытащить. Дождь, похоже, надолго. Зачем рисковать?

– А вот возьму и останусь! – потрянула темными волосами Алевтина и провела рукой над столом, на который хозяйка дома свалила ненужные пепельницы, чашки с отбитыми ручками, пыльные шапки, облезлые деревянные рамки для фотографий и ворох невесомых газовых шарфиков. – С таким богатством не получится быстро распрощаться. Нет, правда! Я еще на родине интересовалась стариной. Все эти дома, в которых живут призраки, мостовые, по которым ночью стелется странный туман...

– Наверное, любите бывать в музеях? – поджала губы фрау Гёццель.

– Не люблю. Время там прячется за стеклом, а в воздухе стоит крепкий запах современных духов. Ужасное сочетание. Кроме того, вход в музей всегда платный, и мне это тоже не нравится.

– Полный бардак, – подвела черту фрау Гёццель. – Вы здесь так рано потому, что хотели попасть на блошинный

рынок? Вам бы точно там понравилось. В хорошие дни тор-
говцы плесенью зашибают хорошие деньги. Знакомая разбо-
гатела на кружевах, которые плела ее бабушка еще до...

Они посмотрели друг на друга. Все было понятно без слов.
Война закончилась сорок лет назад, но одна из женщин все
еще помнила ее, а другая, родившаяся позже, почему-то чув-
ствовала себя виноватой.

– И так, вы думали, в такой дождь рынок все равно будет
работать? – строго спросила фрау Гёццель.

– Надеюсь на то, что появится солнце, но поняла, что
ошиблась, – с сожалением произнесла Алевтина. – Послу-
шайте, я...

– Вы неплохо говорите по-немецки, – заметила фрау Гёц-
цель.

– Буду рада, если заметите ошибку и поправите меня. –
Алевтина умоляюще прижала руку к груди.

– Пока что не было необходимости. Что эж, все, что
есть, я принесла. Смотрите.

– Спасибо!

Чуть позже на столе появились маслѐнка, пшеничный
хлеб и фарфоровые чашки с золотой птичкой, а их-то фрау
Гёццель доставала только в особенных случаях. Алевтина
без умолку болтала, восхищалась безделушками, записала
рецепт тушеной капусты с яблоками и подробно расспроси-
ла о ценах на блошином рынке, который работал в Бернау
только по выходным. Спустя час или целую вечность фрау

Гёццель уже доставала с полки альбом с семейными фотографиями, и через некоторое время Алевтина с интересом заметила, что все женщины в семье очень красивы, а практически все мужчины имеют высокий рост и широкие плечи...

Они расстались через пару часов, но не только непрекращающийся дождь был тому причиной. Алевтина вспомнила, что к обеду должна была приехать на работу. Между ними, как оказалось, обнаружилось много общего. Обе обожали черный чай и сушки с маком, не любили весну из-за капризной погоды и не переносили темное пиво. Узнав, что отец Алевтины тоже воевал во время Великой Отечественной войны, фрау Гёццель не вспомнила про мужа, что потом показалось ей очень странным. Но она так сильно прониклась симпатией к этой русской переводчице, которая невесть как оказалась в ее доме, что решила так: не нужно им двоим сейчас никаких разговоров о прошлом. Не просто так они встретились. Да и девчонка эта, похоже, тоже одинока. Ну разве может такая красавица провести выходной одна, если у нее есть мужчина? Наверняка нет. Если бы был, то почему не привела его с собой? Но ведь не привела. И ни слова о нем не сказала.

– Забирайте все, если нравится, – решила фрау Гёццель, равнодушно глядя на разбросанный по столу хлам. – Мне это некуда девать, а вы дома все внимательно рассмотрите.

– Сколько это будет стоить? – растерялась Алевтина и открыла сумочку. – У меня есть немного денег, но хватит только на такси. Но я могу привезти вам деньги позже.

– Не нужно, – остановила ее фрау Гёццель. – Забирайте просто так, а то выброшу. На площадь это все равно не понесу – я не в том положении, чтобы стоять за прилавком и торговать старьем. Для меня это не имеет никакой ценности.

– А эта кружка? Вам же ее муж подарил?

– Всего лишь кружка. Я о ней и забыла. Сейчас смотреть на нее грустно. Когда меня не станет, она никому не будет нужна. Обручальное кольцо и четверо детей – вот то, что мне по-настоящему дорого. Я дам вам коробку, чтобы вы все сложили. Куда вы собираетесь все это девать?

– Оставлю себе, – ответила Алевтина. – Или подарю что-то из этого другу. Он сильно занят и иногда не может составить мне компанию. Он бы вам понравился.

– Не сомневаюсь.

Такси пришлось ловить на дороге уже за пределами деревни. Сев в машину, Алевтина тяжело вздохнула. Трудным был день. Столько эмоций... Столько сил потрачено на то, чтобы казаться той, которой ее хотели видеть.

– В Берлин? – бросил через плечо немолодой таксист.

– Ну а куда еще? – устало ответила ему Алевтина.

– Мало ли?

– Нет. В Берлин. На Унтер-ден-Линден. А дом я покажу,

когда подъедем поближе.

Алевтина специально не стала называть точный адрес, чтобы избежать лишнего интереса к своей персоне. Она давно отпускала такси за квартал от своего дома.

Машина медленно тронулась с места и поехала очень неспешно, словно пробуя на прочность скользкие ухабы, выглядывавшие из глубоких луж. От крыльца своего дома фрау Гёццель было хорошо видно, как Алевтина, аккуратно обходя лужи, чуть не выронила из рук коробку, но потом без приключений дошла до обочины и вскинула руку. Пристально глядя вслед удаляющемуся такси, эсеница вдруг четко осознала, что определенно встречала Алевтину и раньше, но до этого момента просто ее не узнавала. Но где она могла ее видеть – не в Берлине же, куда фрау Гёццель выбиралась крайне редко? Она была там в последний раз полгода назад. Если бы они встретились, то она бы запомнила. Значит, с огромной долей вероятности они могли столкнуться только здесь – в деревне? Но почему тогда Алевтина не сказала о том, что когда-то была в этих местах?

Окончательно запутавшись, фрау Гёццель шмыгнула носом, обняла себя за плечи и поежилась. Дождь закончился, но небо так и не прояснилось. Поднимаясь по деревянным ступенькам к дому, фрау Гёццель поскользнулась, но успела схватиться за перила.

– Черт побери, – испуганно прошептала она. – Вот так свалюсь в кусты и помру там на радость мухам.

А через полчаса дождь начался снова.

Гуров бросил зубную щетку в стаканчик на полочке, насухо вытер руки, включил фен, висевший тут же, на стене в ванной комнате, и направил струю теплого воздуха на запотевшее зеркало. Отражение проявилось тут же. Взглянув на себя, не до конца проснувшегося, но аккуратно причесанного, Гуров задумчиво провел пальцем по подбородку и твердо решил на сегодня завязать с водными процедурами. Щетина была едва заметна, а идет он не на конкурс красоты, а на работу, где каждый второй, которого он встречал в темных коридорах МУРа, уже давно выглядел как лесоруб с Аляски. Ни в прокуратуре, ни на телевидении его сегодня также не ждали, что лишь укрепило желание Гурова хотя бы на время забыть про бритье. В конце концов, и Маша не раз намекала на то, что хотела бы видеть его с бородой.

– Она будет седой, – сопротивлялся тогда Гуров. – Следователь полковник юстиции Санта-Клаус Лев Иванович.

– Стильно, модно, молодежно, – парировала жена.

– Сомневаюсь, что получится омолодиться.

– Боишься? – подстегнула Маша.

– Боюсь, – не стал скрывать Гуров. – Крячко обязательно ляпнет что-нибудь, а Орлова вообще сердечный приступ хватит. Своих беречь надо.

– А если сказать, что это для маскировки?

– Маш, я бы мог так развлекаться двадцать лет назад, но

не сейчас.

Но именно этим поздним сентябрьским утром Гуров вдруг осознал, что долгие годы его внешность менялась лишь в одну сторону – к закату. Он настолько сильно привык к одному и тому же, что годами не замечал однообразия. А оно присутствовало в его жизни везде: в гастрономических пристрастиях, во внешнем виде и даже там, где, казалось бы, ему-то точно не грозило зарости мхом, – в отношении к своей работе. Все повторялось раз за разом, пока не замыкалось должным образом. То, что должно было играть разными красками, выглядело черно-белым и неизбежно приводило к предсказуемому финалу. Даже в их с Машей маленькой веселой семейке давно не случалось никаких перемен, если не считать покупки нового дивана в гостиную.

Гуров пошел на кухню, загрузил кофемашину и наполнил водой чайник.

На шум вышла Маша. Такая же заспанная, каким был Гуров полчаса назад. Со съемок в Испании она привезла пижаму, сшитую из ткани, на которой по желтому полю бегали маленькие желтые мишки, но промахнулась с размером, больше подходящим Гурову. Щурясь, Маша обошла мужа и завернула в ванную комнату, по пути сонно погрозив ему пальцем: ни слова, я сплю, ты меня не видел.

– Чай или кофе? – спросил Гуров.

Вопрос был риторическим. Каждое утро Маша начинала со стакана воды, а завтракала где-то через час после.

– И тебе доброе утро, – пробормотал Гуров и пошел на кухню.

Звонок в дверь заставил его отложить в сторону наполовину съеденный бутерброд. В коридор вышла и жена, успевшая окончательно проснуться.

– Соседи, что ли? – предположила она.

Гуров посмотрел в глазок и открыл замок. На лестничной площадке стоял его начальник Петр Николаевич Орлов. Вот уж кого Гуров не ожидал увидеть на пороге своей квартиры так внезапно.

– Привет тебе, Лев Иванович, – протянул руку Орлов.

– Через порог не разговаривают, – Гуров отступил в сторону, пропуская в прихожую шефа. – Заходи.

Орлов шагнул вперед и вдруг увидел Машу. Растерялись оба.

– Здравствуйте, – пролепетала Маша. – Ой, я сейчас.

Она мигом исчезла в комнате.

– Напугал я ее, наверное, – предположил Орлов. – Извини, Лев Иванович, если не вовремя.

– Да не напугал, не были мы ничем заняты. Недавно проснулись.

– Поздно легли?

– Встречал ее в Домодедово, рейс задержали на полтора часа из-за погоды. Пока вернулись, пока то да сё...

– Понял. Значит, не помешал, – подвел черту Орлов. – Я ненадолго.

В коридоре снова появилась Маша. На этот раз она была не в пижаме, а в джинсах и футболке. И успела собрать волосы в хвост, чтобы перед мужниным начальством выглядеть прилично, а не как эта самая.

– Проходи на кухню, мы там как раз завтракать собирались, – пригласил Гуров. – Не разувайся, Петр Николаевич. Давай, жена, сообрази на троих что-нибудь.

– Не до еды, – отмахнулся Орлов. – Извини, Машенька, что наскоком. Отдашь мужа на пару слов?

– Да идите уже, – разрешила Маша. – А потом все-таки, может, перекусите?

– Уговорили, черти полосатые, – сдался Петр Николаевич. – Но сначала поговорю с твоим мужем. И, Маш, мне сахара две ложки.

– Я помню, – улыбнулась Маша. – И масло на хлеб не мазать, и яичные желтки вам нельзя, а вот омлет из белков можно. Ваш повышенный холестерин, Петр Николаевич, мы тревожить не будем. Всё помню. Идите, я потом позову.

Чтобы не сидеть в духоте, генерал-майор Орлов и Лев Иванович Гуров вышли на балкон.

– Что-то произошло? – спросил Гуров и сунул в рот сигарету.

– Да произошло-то давно, – нехотя ответил Орлов. – Надо будет полежать в больнице. Завтра вот сдаюсь.

– О, – чуть не поперхнулся сигаретным дымом Гуров. – Все так серьезно?

– Врачи говорят, что более чем. Я уж недели две как при-
зрак по ведомственной поликлинике шатаюсь. Меня там уже
в лицо узнают. Родным домом стала.

– Какой диагноз, не поделишься?

– Не дождетесь, – отрезал Орлов. – Но тянуть больше
нельзя. На самом деле все звучит не так уж и страшно, ес-
ли не вчитываться в то, что написали в медицинской карте.
Но пришлось узнать много интересного о собственном орга-
низме. Пока что обследование. Комплексное. А дальше бу-
дет видно.

– Гипертония твоя, что ли? – догадался Гуров. – Парши-
вая штука, я в курсе. Пришлось столкнуться.

– Ну, вот и я сталкивался. Только за последнюю неделю
«Скорая» три раза в гостях была. Дважды приезжала одна
и та же бригада. Ругались на меня за то, что отказался от
госпитализации.

– Все бывает в первый раз.

– Конечно. Но к врачу в итоге пошел. Подумал, что в моем
возрасте риск отбросить коньки становится настолько высо-
ким, что лучше заняться собой серьезно. Ничего, ничего...
Полежу, отдохну, а потом вернусь и снова буду вам с Крячко
нервы мотать.

– Оптимистично, – хмыкнул Гуров. – А кто замом будет?

– Не ты. Пришлют кого-то, я специально узнавал. Если
Романенко из прокуратуры, то вам вообще счастье будет.

– Романенко очень даже ничего. Мы с ним поладили, –

вспомнил Гуров. – Будем надеяться. Ты поэтому решил меня лично предупредить?

Орлов облокотился о перила, внимательно посмотрел на сигарету в руке Гурова.

– Есть дело, Лев Иванович, – прищурился он. – Даже не знаю, как сказать. У вас со Стасом сейчас вроде бы дел нет?

– Они всегда есть.

– Текущих-то нет, не заливай. В отпуск пока что не собираетесь. Потому прошу лично от себя помочь одному человеку. Я бы и сам поучаствовал, но, как видишь, не успеваю. Я место в клинике специально ждал.

– Понимаю, – качнул головой Гуров. – Рассказывай.

– Знаешь такой поселок под Москвой – Шаткое?

– Это не на юго-востоке? Тот район, который до сих пор дачами забит, но уже считается Москвой?

– Оно самое и есть. Бывал там? Слышал что-нибудь о нем?

– Не припомню, – признался Гуров. – Только краем уха если.

– Значит, не бывал. Иначе бы на всю жизнь, как говорится... Поселок Шаткое находится в тридцати километрах от Москвы. Такое, знаешь, неприметное место, мимо которого проезжаешь, не замечая его в упор. Там нет секретных объектов или чего-то подобного. Скорее выглядит как научный городок из славного советского прошлого. Самый обыкновенный населенный пункт, который с двухтысячного года приписан к столице, но не имеет никаких перспектив в плане

развития хотя бы той же инфраструктуры. Призрачное место. Облезлые дома, грязь вместо дорог, алкаши по всем углам и один-единственный участковый на всю округу.

– Значит, скоро будут их сносить, – понял Гуров. – Ну, если там ничего не меняется, то, скорее всего, ничего и не планируется. А потом на этом месте воздвигнут очередной жилой комплекс. Знакомо.

– В любом случае сейчас там идет тихая серая жизнь. Я знаю об этом потому, что начальником местного отдела полиции там служит мой давний приятель. Рукоятников его фамилия. Громких преступлений на территории вот уже лет двадцать не было зафиксировано. За все годы случались только мелкие кражи из авто или хулиганство подъездного масштаба.

– Я так понимаю, что теперь этот срок обнулился?

– Правильно понимаешь. У него там человек пропал. В отдел полиции обратились муж с женой, которые снимали в поселке комнату у местной жительницы. Вроде бы давно жили с ней душа в душу, но вот уехала по делам и не вернулась.

– А сколько ей лет?

– Хорошо за семьдесят. Родных нет.

– Когда она потерялась?

– Третьего сентября. Сегодня седьмое. Квартиранты сообщили о ее пропаже четвертого числа. Слушай, Гуров... Рукоятникову до пенсии остался месяц. Хочет закончить все дела и отчалить на заслуженный отдых со спокойной душой.

– Так и пусть отчаливает. Мы-то чем можем ему помочь? – удивился Гуров. – Пусть поднимает на уши волонтеров, ищет свидетелей, рассылает ориентировки. Схема уже отработанная.

– А нет свидетелей, кроме квартирантов. Никто, кроме них, с пропавшей не общался. Видеть-то ее люди видели, но близко старались не приближаться. Противная бабка была, это даже соседи подтвердили. И машина ее исчезла.

– Она еще и рулила?

– А то! «Лада Калина» – это тебе не какой-нибудь «Мерседес», – усмехнулся Орлов. – Я хочу тебя попросить вот о чем: если вдруг Рукоятников к тебе обратится, ты просто побудь с ним на связи, поищи фамилию этой женщины в архивах. Может, еще где нужно будет посмотреть. Через нас-то дело быстрее пойдет. Я ему оставлю твой номер телефона на всякий случай. Не надо там дневать и ночевать. У нас-то опыт в поиске людей посерьезнее будет. Где мы этих исчезнувших только не находили, помнишь?

– Порой в разобранном виде, – ответил Гуров. – Ноги в Мытищах, а голову на Сретенке.

– Легко было их найти? Вот то-то и оно. У Рукоятникова там сыщики годами баклуши били из-за отсутствия случаев криминала на вверенной ему территории. Он мужик толковый, спуску не даст, но у него ко всему прочему еще и со здоровьем проблемы. Так вот, они там пока что пытаются разыскать пропавшую своими силами, но, насколько я по-

нял, история темная. Я немного с Рукоятниковым поговорил, и он рассказал, что пропавшая имела богатое прошлое: в восьмидесятых служила переводчицей в посольстве СССР в Германии. После, уже на родине, некоторое время возглавляла бюро переводчиков, но быстро ушла на вольные хлеба. Водила знакомство с кем-то из членов Политбюро и даже сопровождала их в деловых поездках за границей. Уже давно дает частные уроки по немецкому языку. Бывшие ученики отзываются о ней как о преподавателе очень хорошо. Такая вот у нее жизнь. Не простая домохозяйка, как ты понимаешь, а человек со связями.

– Много о ней известно, это хорошо, – заметил Гуров.

– Так она давно там живет. Сама о себе рассказывала людям, пока еще хоть с кем-то у нее были хорошие отношения. И потом, в свое время Рукоятников водил к ней сына на занятия. Само собой, они общались.

– А квартирантов проверили?

– Не спрашивал, но думаю, догадались это сделать в первую очередь. Если бы было что-то не так, я бы знал.

– Ну что ж, – вздохнул Гуров. – Сдается мне, что возбуждения уголовного дела не избежать. Но если все-таки его откроют и направят на Петровку, то с радостью помогу. Ну а если не направят, то пусть твой знакомый сам позвонит. Так и быть, поможем разобраться.

Из кухни послышался Машин голос. Орлов расстроено хлопнул себя по карманам:

– Вот черт, а я с пустыми руками появился.

– А уйдешь с полной сумкой, – заверил его Гуров. – Машка же из Греции прилетела, понавезла всякого. Оливковое масло, мёд, еще что-то там. Я еле чемодан до машины дотащил. Да расслабься ты, Петр Николаевич! Можно подумать, в первый раз. А Рукоятников пусть обращается, если что. Поможем. Но, знаешь, Петр Николаевич, мне кажется, что наши советы ему совсем не нужны. Все-таки опыт у него есть.

– А что такое опыт, Левушка? – Орлов внимательно всмотрелся в окна дома напротив. – Всего лишь список приобретенных навыков, который постоянно корректируется в течение всей нашей жизни. Тебе ли об этом не знать? Ладно, пойдем. Угоститься завтраком из рук твоей жены для меня самое сейчас лучшее. Нет, ну надо же было так попасть с этим давлением, а?

– Эх, бумажки мои «любимые», – пропел Стас Крячко, раскладывая на своем столе многочисленные папки. – Жаль, не дают нам с тобой стажеров, Лёва, а то бы я их усадил сейчас за эту писанину. Закопались бы по уши. А мы бы в потолок плевали. Ну или в столовую пошли.

– Опасно в потолок-то, – предупредил Гуров. – Ты давай работай. Начальство новое, не знаешь чего ждать.

– Не новое, а временное, – поправил Стас. – Как наш-то там, кстати?

– Мне не звонил. Возможно, Вера в курсе.

– Наверняка.

Орлов был на больничном неделю и возвращаться на работу пока что не собирался. Поначалу обрывал телефоны Гурова и своей секретарши Веры, расспрашивал, даже пытался контролировать, тем самым напоминая о себе, но вот уже четыре дня как от него было ни слуху ни духу. Гуров и думать забыл о его просьбе.

Бумажной работой неожиданно увлеклись оба. Таким увлекательным занятием, как сортировка, ксерокопирование и раскладывание, занимались до вечера и, надо сказать, делали работу на совесть. Проверjali, сверjali, отмечали. К концу дня, правда, вымотались и сдулись. У Гурова затекли все части тела. В голове стоял тихий гул, а перед глазами прыгали темные точки. Забежавшая на огонек секретарь генерал-майора Верочка принесла хорошие новости: из больничной палаты ей только что позвонил Петр Николаевич и попросил передать Гурову и Крячко, что если они что-то навороят, то он придет и всех уволит, потому что они тут веселятся, а ему потом расхлебывать.

– Сама доброта. Скучаю без него, – подытожила Верочка и положила на стол бумажный промасленный пакет. – Прихватила вам тут чебуреки из столовой. Знаю, что до ночи не уйдете. И сводку из дежурной части принесла.

– Спасибо, дорогая, – обрадовался Стас и потянул носом воздух. – А мы как раз сегодня без обеда.

– Как работается с новым шефом? – спросил у Веры Гу-

ров, откладывая сводку происшествий в сторону.

– А он только завтра появится. Меня даже в известность не поставили. Кто, что, когда...

– Бедная Вера, – посочувствовал Крячко. – Снова подстраиваться под новую метлу.

– Еще чего. Я как жена декабриста.

После ее ухода Лев Иванович и Стас быстро разделались с чебуреками, сложили бумаги в сейф и дружно взглянули на часы.

– Вот теперь со спокойной совестью... – начал было Гуров, но запнулся на полуслове. – Слушай, Стас, а тебя Орлов ни о чем не просил?

– В каком смысле?

– Помочь одному человеку.

– Не снизошел. А тебя просил? И кому нужна помощь?

– Да так... ерунда.

Гуров вспомнил о сводке происшествий. Он взял листок в руки, вчитался в мелкий шрифт. Крячко тем временем выключил свой компьютер, смахнул со стола неизвестно откуда взявшиеся крошки и вопросительно взглянул на Гурова.

– Что-то серьезное? – спросил он.

– Да не то чтобы, – ответил Гуров и протянул сводку Стасу. – Ты про поселок Шаткое слышал?

– Бывал там, бывал, – улыбнулся Стас. – Ездили на шашлыки к подруге жены, у нее частный дом в трехстах километрах, а Шаткое как раз проезжали по пути. Думал, таких мест

рядом с Москвой не осталось. На обратном пути у нас колесо пробило, пришлось заглянуть в тамошний автосервис. Цены там ниже, чем в Москве, кстати...

– Ты про что? Каких таких мест не осталось? – не понял Гуров.

– Необработанных, – объяснил Стас. – Ты знаешь, что там раньше был дачный поселок?

– Понятия не имел.

– Ой, да мне целую лекцию по этому поводу прочитали. В семидесятых годах прошлого века правительство выделило работникам внешней торговли землю под дачные участки. Сначала планировалось одарить только их, но подтянулись «соседи» из Министерства иностранных дел и посчитали себя обделенными. В общем, любой, у кого тогда была возможность выезжать за границу, мог обосноваться в Шатком. Дача в получасе езды от центра Москвы, Гуров! Ты только представь! Туда, говорят, даже иностранные дипломаты заглядывали – приценивались, присматривались. Но в итоге идея не прижилась, и проводить отпуска на свежем воздухе никто особенно не захотел. Вероятно, дело было в соседях этих советских богачей – простой и временами пьющий народ-то куда девать? О приватности не было бы и речи. Когда стало понятно, что идея заселить поселок мидовской элитой провалилась, поселок быстренько застроили типовыми блочными домами и раздали через ордера очередникам.

– Это ты откуда узнал?

– Дорожные байки. Автомеханик поделился, пока машину чинил. Кстати, визитку оставил. А почему ты спросил про Шаткое?

Гуров коротко передал Крячко просьбу шефа. Стас отреагировал на услышанное точно так же, как и он:

– Ну и чем мы поможем полиции? Розыск пропавших вообще к нам никаким боком не относится, если только не возникнет такая необходимость в процессе расследования.

– Вот и я так тоже думал. А в сводке труп. И снова в Шатком.

– А чей труп-то? Той самой пропавшей, о которой говорил Орлов?

– Да нет. На этот раз мужчина. Погоди-ка, наберу начальству. Посмотрим, что скажет.

До генерал-майора удалось дозвониться с третьего раза.

– Что со связью? – сразу же предъявил претензии Гуров. – Вот так и ищи тебя, когда нужен.

– И не говори, – раздраженно отозвался Орлов. – Тут все матерятся на этот счет. Что случилось?

Гуров кратко изложил суть дела.

– Выезжайте, – приказал Орлов. – Заму своему сообщу, что делом теперь занимаетесь вы. Я Феде сейчас позвоню, пусть будет в курсе, что мы знакомы.

– Федя – это?..

– Федор Анатольевич Рукоятников.

– Ну, так бы и сказал с самого начала.

Если бы генерал-майор Петр Николаевич Орлов и полковник Федор Анатольевич Рукоятников стояли рядом, то Орлов едва бы доставал макушкой до плеча своего приятеля. Таких исполинов, как начальник ОВД «Шаткое», удавалось встречать не так уж и часто. Он был не только высок – масса тела в его случае также превышала максимально допустимую. С первой минуты Гурову показалось, что Рукоятников и Орлов ровесники, но хватило только одного пристального взгляда на изможденное лицо и внушительный выпирающий живот Федора Анатольевича, чтобы понять, что этот человек нуждается в медицинской помощи, наверное, гораздо больше, чем его знакомый с Петровки.

Дышал Рукоятников тяжело, с громким присвистом, и при такой массе тела передвигался с большим трудом. Ходить ему было нелегко: прежде чем сделать шаг, сначала он обязательно находил опору в виде спинки стула или края стола и только потом, ухватившись за них, ступал вперед. Поздоровавшись с сыщиками, он болезненно улыбнулся и тут же отвернулся так, чтобы не было видно его лица. «Больно ему, что ли? – растерялся Гуров. – Как же можно в таком состоянии вообще ходить на работу? А он ведь еще пытается руководить».

Все трое сели. Рукоятников опустил в свое огромное кресло и, надрывно дыша, протянул Гурову папку.

– Завели уголовное дело, – кашлянув, сообщил он, достав откуда-то бумажную салфетку, которой принялся суетливо

стирать с лица пот. – Думал, что обойдется, что найдем эту женщину, но, как говорится, только бога насмешили.

Гуров открыл папку, бегло прочитал первый документ, после чего передал его Крячко.

– Наверное, когда Петр Николаевич попросил оказать содействие в розыске, вы подумали, что мы тут совсем безрукие, – добродушно пробурчал Рукоятников. – Это не так.

– Упаси боже, – тут же отвлекся от изучения содержимого папки Гуров. – Все мы работаем в одной связке. Попросить совета или помощи у другого – обычное дело.

– Угу, – не поднимая головы, поддакнул Стас. – Руку уже набили. То после кражи у букиниста выдернули из отпуска знакомого искусствоведа, то нашли менеджера по продажам, который раньше баловался всякими интересными программками. Ну, чтобы он нужный сайт хакнул и слил нам одни интересные данные. Так и вышли на банду. Ну а как прикажете поступать? Ждать у моря погоды?

– Не сливай наши методы, дружище, – улыбнулся Гуров.

– А если на кону жизнь человека?

– В спецназе с радостью рассмотрят твои претензии.

Рукоятников с пониманием улыбнулся:

– Еще раз спасибо за то, что откликнулись. – Рукоятников с тоской посмотрел в окно: – Жарко-то как.

– Осень стоит не по сезону теплая, тут вы правы. И ведь это еще даже не бабье лето, – согласился Гуров. – С чего начнем, Федор Анатольевич? Похоже, вы здесь работаете давно,

всех знаете. Командуйте. А мы подстроимся.

Рукоятников попытался занять более удобное положение, что удалось ему не с первой попытки. Мельком взглянув на его уже не красное, а багровое лицо, Гуров всерьез встревожился. «Как бы его удар не хватил», – подумал он и тактично отвел взгляд.

Федор Анатольевич наконец «устаканился», найдя надежные точки опоры для своих немаленьких габаритов. Это стоило ему недюжинных усилий и закончилось приступом кашля.

– Сначала пропала Голикова, – отдышавшись, начал говорить Рукоятников. – Из местных аборигенов, долгожительница. Противная была тетка, признаюсь. Но педагог сильный.

– Чем же она вам не понравилась? – улыбнулся Гуров.

– А есть такие, знаете, недовольные жизнью. Не устают возмущаться. Именно они жалуется на соседей, затеявших ремонт, или на смех детей, играющих во дворе. На машины, которые якобы перегораживают дорогу, на высокие цены в магазинах, на погоду. На украдкой курящего во время своего обеденного перерыва продавца, причем бедный парень специально зашел за угол дома, чтобы не дымить на окружающих. Но нет – Голикова заметила, накричала на него и пошла к участковому, чтобы написать жалобу. А он у нас один, между прочим.

– У вас тут всего один продавец? – не расслышал Крячко.

– Участковый, – повторил Рукоятников. – Один на весь поселок. От рассвета до заката на ногах.

– А сколько человек тут проживают сейчас?

– Плюс-минус три тысячи. Но подозреваю, что гораздо больше. Многие же без прописки.

– А почему у вас участковый только один? – удивился Стас. – Как минимум нужно двух на все население.

– Наше руководство прекрасно знает о нехватке кадров, но помочь нам пока не могут. Или не так: могут, но мы сами отказываемся. Объясню. Сейчас решается судьба поселка, – вздохнул Рукоятников. – Скорее всего, тут всё к чертям снесут и застроят коттеджами. Такая информация гуляет уже давно, но все это на уровне слухов. Нет самого главного – определенности. А куда дальнейшая судьба Шаткого неизвестна, то о какой стабильной работе может идти речь? А вдруг снос начнется через полгода, а я нового человека на работу возьму? Поймите, дорогие москвичи, мы хоть и близко к столице, но живем совсем не так, как вы. Половина моих сотрудников проживает либо тут же, в поселке, либо где-то по соседству. Им до работы так удобнее добираться, и я их прекрасно понимаю. Но среди них желающих перейти в участковые нет, они заняты своим делом. Куда перебросят ОВД, если здесь начнется снос зданий и строительный тайфун? Вот и сидим.

– Тот же новый участковый инспектор предпочтет перевестись в другой отдел поближе, чтобы не тратить время на

дорогу. Понял. Грустно, – сказал Крячко. – Как-то все сложно у вас.

– Не унываем, – улыбнулся Рукоятников. – Пока что никто не дергает, и на этом спасибо. Участковый со своими обязанностями справляется, а я держу руку на пульсе. Давайте к делу, если вы не против, а то мне через час надо быть на совещании.

– Начнем с пропавшей, – напомнил Гуров.

– Совершенно верно. – Рукоятников сложил ладони вместе и указал ими на стопку бумаг: – Алевтина Михайловна, одна тысяча сорок пятого года рождения. Проживает в поселке на постоянной основе с начала девяностых. Разведена. Владеет «трешкой» с хорошим метражом. Сдает одну комнату семейной паре, которые и забили тревогу, когда она не вернулась домой. В прошлом Алевтина Михайловна была переводчиком и несколько лет провела в Германской Демократической Республике, где работала в советском посольстве. На жизнь зарабатывала частными уроками. Третьего сентября в одиннадцать часов утра вышла из дома, взяла из гаража свою машину и отправилась в Москву вместе со своим квартирантом Семенцовым Георгием Петровичем, одна тысяча шестьдесят первого года рождения. Причем за руль сел Семенцов. В Москве они и распрощались. Вот только он потом вернулся, а она как в воду канула. Четвертого сентября утром в полиции уже лежало заявление о пропаже человека. Поиски начались сразу же.

– А машина?

– «Лада Калина» у нее была. Год выпуска – две тысячи десятый. Цвет «черный металлик». Машина тоже испарилась. На трассе от поселка до Москвы отсутствуют камеры видеонаблюдения, и целиком отследить маршрут, по которому двигалась машина Голиковой, не удалось. Но, со слов квартиранта, они благополучно добрались до станции метро «Молодежная», где он пересел на метро, а Голикова отправилась по своим делам на «Ладе».

– А что за дела, он не запомнил? – спросил Стас.

– Она ему не доложила.

– Может ли быть такое, что Голикова все-таки возвращалась домой, но что-то с ней случилось по дороге в поселок? – предположил Гуров. – Уже на отрезке пути от Москвы до Шаткого?

Рукоятников, казалось, был готов к вопросу.

– Этот участок мы тоже осмотрели на всякий случай. Трудность в том, что здесь вокруг болотистые леса, но, чтобы добраться до самих болот, из которых сложно выбраться невредимым, необходимо далеко углубиться в лес. Машина бы там не проехала – нет там широких троп, сплошь заросли. Кроме того, в лесу есть одна засада в виде импровизированной свалки. Ни штрафы, ни предупреждающие таблички не помогают. Люди все равно свозят туда все отходы. А дачных поселков у нас тут рядом несколько, они существуют давно, расширяются, некоторые москвичи уже давно перебрались

из Москвы за город на постоянное место жительства. Так что людей, которые мусорят, много. Убивают природу. Только вот дела до этого никому нет.

– Если дачка рядом с Москвой, то это подарок судьбы, – заметил Стас.

– Это удобно, согласен, – кивнул головой Рукоятников. – Ну а что? Московскую квартиру можно сдать и жить на деньги от аренды, но уже не в городе, а на природе. Красота. И мусор по дороге домой можно в лесу выбросить, а не везти с собой. Сплошные бонусы.

В его голосе Гуров уловил нотку горечи. Похоже, этот немолодой грузный человек всерьез болел душой не только за то, чтобы на вверенной ему территории никто не поубивал друг друга, но и за то, чтобы красоту и чистоту здешних мест уважали и берегли и свои, и чужие. Как ни крути, Москва и впрямь ведет себя сурово, подминая под высотные здания милые сердцу парки и скверы. Но лес, пусть и напичканный опасными болотными трясиными, все еще стоял на своем месте и, судя по высоте крепких стволов корабельных сосен, был высажен довольно давно. Жаль будет стирать такое великолепие с лица земли.

– Получается, что свалка мусора в лесу перегораживает путь к болотам? – спросил Гуров.

– Совершенно верно, – кивнул Рукоятников. – Да и к ней просто так не подобраться. Кто-то из безымянных героев возвел проволочную ограду, она-то и сдерживает мусор, что-

бы его по лесу к дороге не разнесло, а сама свалка не поползла в глубь леса. Свалку тоже проверили, но быстро это сделать не получилось. Там столько залежалой дряни, что тошнота к горлу.

– Именно лежалой? – уточнил Гуров.

– Именно. Есть участки, где мусор годами не трогали. Все срослось в пласты, покрылось плесенью.

– А сама свалка большая?

– Огромная. Размером уже, наверное... – Рукоятников развел руки в стороны, прикидывая размер, – с футбольное поле. Или в полтора. Дальний край упирается в болота. Считай, там вообще дикие места. Наши ребята на совесть осмотрели все, до чего смогли дотянуться. Результат нулевой. Но мы еще раз все осмотрим, конечно...

Он быстро дернул пальцами правой руки, будто отгонял муху, давая понять жестом, что не верит в благополучный исход.

Гуров потянулся к стаканчику с карандашами, стоящему на столе, вытянул один из них. Иногда у него возникало неудержимое желание вертеть что-то в пальцах, пока мозг переваривает поступившую информацию. Казалось, так лучше думается.

– Думаете, поиски в лесу ни к чему не приведут, Федор Анатольевич?

Рукоятников опустил голову и раздавил пальцем невидимую пылинку на столешнице.

– Да просто место гиблое. Мало ли? Учитываем все варианты. Волонтеры вон тоже лес прочесывают. Да только мне кажется, что не там ищем. С чего бы старушке на ночь глядя забираться в лес?

– Это верно.

– Насчет особых примет, – продолжил Рукоятников. – В день исчезновения Голикова была одета в ярко-малиновое полупальто. Этакое запоминающееся цветное пятно, на которое кто-то непременно должен был обратить внимание. Алевтина Михайловна вообще была экстравагантной личностью. Мало того что в столь солидном возрасте она лихо управлялась с автомобилем, она еще и выглядела сильно моложе своих лет. Всякие там серенькие курточки, которые часто носят старушки, были не для нее – Алевтина Михайловна предпочитала джинсы, кроссовки и футболки, в каких нынче рассекает молодежь. Таких пенсионеров, как она, я, наверное, и не встречал прежде.

Рукоятников посмотрел на наручные часы и покачал головой:

– Время поджидает. Теперь о втором происшествии. Сегодня утром в квартире был обнаружен труп Геннадия Маркина. Он тоже наш давний знакомый. Трезвым я его не видел уже лет двадцать. Раньше он жил здесь же с родителями, а после их смерти быстренько продал квартиру и переселился к своей невесте, а невеста эта тоже, знаете ли... Марьяной ее зовут. Умер Гена у нее дома. Теперь с ее слов: поздно ве-

чером вернулась из гостей, увидела спящего Гену, разбудила. Он встать не стал, пожаловался на сильную головную боль и снова уснул. А уже утром Марьяна не смогла его добудиться. Стала тормошить и увидела кровь на подушке. Умер во сне. При осмотре трупа была выявлена открытая черепно-мозговая травма.

– Как это, как это? – Крячко недоуменно вздернул брови. – Марьяна не заметила, что ее мужик вернулся с пробитой головой? Разве такое возможно?

– Так ее не было дома, когда Гена пришел домой.

– И кровь она сразу не заметила?

– Божится, что так оно и было, потому что свет в комнате не включала, разговаривала с ним в полумраке, а кровь заметила только утром. В это вполне верится – вся кровь уходила в подушку. Ну, спит и спит человек.

– Интересно, что она расскажет, когда узнает, что ради ее Гены приехали следователи из Москвы? – пробормотал Гуров. – Что ж, Федор Анатольевич, в принципе, картина ясная. Давай-ка, Стас, начнем с Марьяны, поболтаем с ней, а уже потом займемся Голиковой. Федор Анатольевич, а где бы нам найти вашего героического участкового? Без него нам сейчас никак.

Глава 2

Участковый тем временем и не думал прятаться – нашелся в ОВД и сразу же явился во всей своей красе по первому требованию Рукоятникова. Невысоким ростом и крепким телосложением он напоминал большой желудь на ножках, и Гуров представил, как он деловито обходит свои уголья и все маргиналы, попадающиеся на его пути, наверняка сразу же сникают и делают вид, что только его и ждали. Он был в звании майора и представился Юрием Павловичем Денисеви́чем. На москвичей отреагировал открытым взглядом, искренней широкой улыбкой и мощным рукопожатием.

– Ты уж проводи людей к Марьяне, ЮрьПалыч, – попросил Рукоятников. – Ну и помоги там.

– Разумеется. Когда пойдем? Сейчас? А то я свободен.

По коридорам ОВД Денисеви́ч вел сыщиков как под конвоем, замыкая процессию. На выходе махнул рукой кому-то, выглянувшему из-за приоткрытой двери кабинета.

– Далеко до адреса? – поинтересовался Гуров, выходя на улицу. – А то мы на машине.

– Далеко не получится, – улыбнулся Денисеви́ч. – Тут у нас все рядом. Нужный дом прямо за этим торговым центром.

Он указал на широкое двухэтажное здание с высокими окнами, стоявшее через дорогу. Могло показаться, что торго-

вый центр только что отстроили, на что намекали ярко-синие стены и невероятно чистые оконные стекла. Но при более пристальном рассмотрении становилось понятно, что вся эта фасадная красота всего лишь прикрытие, иначе почему бетонные ступени, ведущие к главному входу, вдруг стали бы крошиться, будто им несколько десятков лет, а водосточные трубы отливали ржавчиной?

Очевидно, что торговый центр являлся самым проходным местом в поселке. Возле главного входа, как водится, тусил народ различных слоев общества. Были тут и украдкой курившие подростки, которые затравленно косились на проходящих мимо людей, надеясь не попасться на глаза знакомым, и стайка юных матерей с колясками, решивших остановиться прямо посреди дороги, отчего прохожие вынужденно ступали на проезжую часть, чтобы их обойти. Вдоль обочины выстроились несколько автомобилей демократичных брендов, из которых доносилась негромкая музыка. Водители, вальяжно развалившись за рулем, лениво курили, наблюдая за улицей. Гуров сразу опознал в них вольных таксистов – из тех, кто плевал на агрегаторы, не использует ремни безопасности, не принимает оплату банковскими картами и никогда не имеет сдачи с наличных. Чуть поодаль, как бы сторонясь скопления народа, подпирали стену человек десять торговцев разного пола и возраста. Здесь продавали мотки пряжи, домашние соленья, грибы и чеснок.

– Если что, то это санкционированная торговля, – заторо-

пился с объяснениями участковый. – Ничего не нарушают.

– Да не для того мы тут, – отмахнулся Гуров. – Это ваша земля, вам и решать.

– И то верно, – быстро свернул тему Денисевич.

Обогнув угол здания, они оказались на узкой улице, под линейку застроенной «хрущевками». Дома уходили куда-то вдаль, но и там справа и слева было всё одно и то же: серые пятиэтажки, припаркованные вдоль обочины машины и неспешно прогуливающиеся по тротуарам редкие прохожие.

Денисевич подошел к самому ближайшему подъезду и остановился.

– На пару слов, коллеги, – попросил он.

Гуров остановился, вынул сигареты. Набрать полную грудь воздуха перед прыжком в бездну – святое дело. Стас курить не стал, отказался.

– Марьяна – дама своеобразная, может вести себя... по-всякому, – предупредил участковый. – Умеет фактурно выражаться, а еще может и послать туда, куда обычно отправляют, будучи в гневе. Очень не любит нашего брата.

– Ничего страшного, – улыбнулся Гуров.

– Ну, если вас это из себя не выводит...

– Это всё рабочие моменты.

– Ко всякому готовы, – добавил Стас.

– Я долго налаживал с ней контакт, – признался Денисевич. – Сначала на порог не пускала, даже как-то прокисшим супом с балкона облила. А потом привыкла ко мне, переста-

ла шарахаться и проклинать. Должен сказать, что принцип работы у меня такой: считаю, что к каждому, невзирая ни на что, необходимо относиться по-человечески. Вот я и решил, что если я буду с ней именно так, по-нормальному, а не как некоторые граждане, то толку от нашего общения будет больше. Она ведь не сразу с рождения к бутылке потянулась, а по весьма веской причине. У нее ребенок под машину попал. Четыре года было девочке. Марьяна после смерти дочки какое-то время держалась, работала даже. Но поселок маленький, сами видите, от сочувствующих не скрыться. Ну, не знают некоторые, что такое тактичность, что же теперь сделать? А народ-то везде, он кругом, от него не спрятаться. Марьяна тогда кассиром в нашем универсаме работала. Вот в этом самом, через дорогу.

– И была постоянно на виду, – понял Гуров.

– Затюкали люди ее своим сочувствием. Я так понимаю, что она бы, может, и пришла в себя, но когда на каждом шагу напоминают о твоем горе, то откуда взять моральные силы и начать хотя бы улыбаться? Добротой ведь тоже задушить можно. В конце концов Марьяна решила уехать из поселка, но, видимо, было поздно, и внутри у нее уже что-то сломалось. Уехала в Москву к каким-то знакомым. Но не вышло у нее построить жизнь на новом месте, поэтому вернулась. Тогда-то и стало понятно, что алкоголь стал для нее лучшим другом. Ну а потом с Геной нашим закрутила. С тех пор и жили вместе.

– Ну а вы-то что думаете по поводу смерти Гены? – спросил Гуров, закурив. – Это ведь ваш участок. И Голикова несколько дней назад пропала. Вроде бы два разных эпизода, но произошли в одном населенном пункте и за короткий отрезок времени. И это при том, что уровень преступности в поселке очень низкий.

Денисевич задрал голову и посмотрел вверх, на балконы.

– Я думал об этом. И с Федором Анатольевичем на эту тему говорил. На первый взгляд как таковой связи между этими двумя прецедентами нет. Или так: пока что отследить ее невозможно. Но мы толком еще ее и не искали, мы же только начинаем. Гена напрямую не контактировал с Голиковой. Разные социальные слои и так далее. Но могут быть скрытые моменты. Гена не работал и частенько гулял по поселку, стреляя у прохожих деньги на бутылку. Мог подработать у кого-то, вынести мусор, помочь загрузить мебель... Но в основном все заработанное благополучно пропивал. В плохую погоду его долгие прогулки сменялись нахождением на посту, то есть он с утра торчал возле универсама. Голикова, конечно, могла его запомнить, но они абсолютно точно не общались. Она не водила с ним дружбу, иначе я бы об этом знал. Их ничто не могло связывать. По характеру Гена был тихим, к людям нарочно не лез, в драках замечен не был. Такой прибитый алкаш. А вот Голикова – та была совсем другой. Это она скорее могла его обхамить, проходя мимо, и в таком случае он мог ей ответить, но, как правило, если на

него наезжали, то Гена просто уходил куда-нибудь от греха подальше, а потом возвращался.

– Ну а сама Марьяна? Не могла она его в порыве страсти «приласкать»?

– Это мы, конечно, проверили первым делом, – вздохнул участковый. – Не могла. Вчера она целый день провела у своей знакомой в дачном поселке. Та уже подтвердила. Туда и сюда Марьяна ездила на автобусе, ее водитель запомнил. С алиби у Марьяны все в порядке. Квартиру осмотрели, ничего похожего на предмет, которым она могла бы нанести Генке травму, не нашли. Поискали везде, где только можно, а ребята у нас дотошные, все кусты в поселке облазили, все урны перетряхнули. Вот так. И да, местных я тоже уже опросил. Гену вчера никто не видел.

– Прямо-таки всех? – усомнился Гуров.

– Уж поверьте. Моим информаторам можно верить.

– И где же он был целый день? Никто, получается, не знает? – спросил Крячко.

– Получается так. Удивительно, конечно, но надежду не теряю. Может, и вспомнят еще.

– Но если он возвращался домой поздним вечером, когда многие жители уже спят, то вполне вероятно, что мог никому не попасться на глаза, – предположил Гуров. – Как у вас тут по вечерам? Много людей на улицах или никого?

– Могло быть и так, что его просто не заметили, – согласился Денисевич.

– Значит, информаторы не такие уж и надежные?

– Прохожие порой не видят то, что происходит вокруг. Ну, идет мимо кто-то, а вот кто именно? Могут и не вспомнить, потому что заметили только краем глаза. Я еще поработаю над этим, повторно опрошу людей.

– А Марьяна точно дома? – с сомнением поинтересовался Крячко. – Не зря пришли?

– Дома. Только что в окне ее видел... Да и куда ей деться теперь? Если вы докурили, то можно уже ее навестить.

Гуров выбросил в урну окурок и вошел следом за Денисевицем в подъезд.

...

– Кто там еще приперся?

Женский голос из-за двери звучал слишком тихо, даже сдавленно, что уже само по себе было необычно. Внутренне Гуров приготовился к громкому отпору от хозяйки квартиры, ведь участковый ясно дал понять, что девушка она своенравная. Предполагалось, что прием с самого начала не должен быть теплым. Но на деле все оказалось иначе.

– Открывай, Марьяна Васильевна. Ты же видела нас из окна, – так же тихо ответил Денисевиц и отступил на шаг назад.

Дверь медленно открылась, в проеме показалось бледное лицо. Сначала Гурову показалось, что перед ним совсем юная девушка, почти подросток, и ей не больше двадцати лет, но при более пристальном рассмотрении тончайшая ил-

люзия молодости растворилась в воздухе, оставив после себя лишь пылинки, подсвеченные вечерним солнечным светом, проникающим в коридор через окно за спиной хозяйки.

– А кто это с вами? – все так же тихо спросила Марьяна, не глядя на сыщиков.

– По поводу Гены, – объяснил Денисевич. – Столичная полиция. Впусти нас, красавица. Мы плохого не хотим.

– Ладно. Ноги только вытирайте.

Марьяна когда-то была красавицей, но ее непростое прошлое и беспросветное настоящее крепко поработали над изменениями во внешности молодой женщины. Правда, что-то на память они ей все-таки оставили. Например, глаза. Они у Марьяны были огромными, широко расставленными, а радужка имела необычный цвет – будто бы кто-то взял черную акварельную краску, белилами разбавил ее до светло-серого, а потом для верности добавил еще зеленой воды, чтобы добиться почти прозрачного, с мелкими темными вкраплениями оттенка. Не серого, не голубого, а похожего на лунный свет.

Следов слез на ее лице не было.

Предполагалось, что в доме маргиналов должен был быть бардак, но опасения Гурова не оправдались: в квартире прибрались. Правда, сделали это весьма плохо. С одной стороны, тот мусор, который мог бы рассказать о хозяйке больше, чем ее соседи, отсутствовал. Ни пустых бутылок, ни заветренных остатков закуски где бы то ни было не наблюдалось.

Но как бы сильно Марьяна ни старалась, кое-где все же проглядывали намеки на ее прежнюю разгульную жизнь. На пакет с пустыми банками из-под дешевого пива и разобранную постель с несвежим постельным бельем она, например, внимания не обратила. Гуров окинул взглядом изголовье кровати и заметил только одну подушку. И ни одной капли крови.

Поймав взгляд Гурова, женщина достала из шкафа плед и быстрыми движениями покрыла полтораспальную кровать.

Возле окна стоял старый немодный стол. Такой когда-то был и у Гурова. С лакированной столешницей и выдвигающимися панелями, умеющий в мгновение ока трансформироваться из небольшого в огромный, за которым легко умещались десять и более человек. Почти в каждой квартире советского человека когда-то был такой же.

– Ну, как ты? – спросил Денисевич.

– Нормально, – шепотом произнесла Марьяна. – Голова только болит.

Денисевич нарочито бодро осмотрелся:

– Не слишком сильный бардак тут ребята из полиции навели?

– Несильный.

– А я и смотрю, что ты уже убратся успела. Присесть-то можно?

– Садитесь на кровать, если хотите, а я постою, – отвернулась Марьяна и добавила, глядя в стенку: – Сидеть особо не на чем. Все давно сломалось. Последний стул Генка на той

неделе добил. Обещал починить, но я все равно выбросила, потому что он бы ничего не стал делать... как всегда. Если надо, то только на кровать. Не волнуйтесь, плед чистый.

Это было правдой – стулья в комнате отсутствовали, а единственное кресло в углу комнаты было завалено недавно постиранным бельем.

– Меня зовут Лев Иванович, – представился Гуров. – А это мой коллега Станислав Васильевич. Мы к вам из Москвы...

– Слышала уже, – оборвала его Марьяна.

Денисевич тронул ее за плечо:

– Не ругайся. Послушай... Расскажи лучше, как дело было. Понимаю, что тяжело, но надо постараться. Хорошо?

– Ты все уже знаешь. Вот сам и расскажи, – Марьяна устало взглянула на участкового.

– Марьяна Васильевна, а вот мы не слышали ваш рассказ и вообще еще ни о чем не знаем, – мягко объяснил Стас. – Будьте так добры.

– Совсем ничего? – нахмурилась Марьяна. – За дуру держите? Вот просто так взяли и зашли, не заглянув в полицию?

– Слышали, но только с чужих слов, – уверил ее Стас.

– Давай уже, – поторопил Денисевич.

– Не гони, а? – с тоской взглянула на него женщина. – Ну, была я у подруги на даче – и что? Генка тут без меня сто раз один оставался. Куда он без меня ходил и что делал, я не знаю.

– Ты про вчерашний вечер расскажи, – не отставал участковый.

– Так я и говорю. Мы толком и не поговорили, когда я вернулась. То есть он ничего не рассказал. Я и не увидела, что у него голова пробита. Лежал как раз на том боку, где была рана, откуда шла кровь. В темноте и не увидишь. Видите ночник? Там две лампочки должно быть, но работает только одна. При таком освещении мало что можно было рассмотреть. Не знала я, что ему плохо.

– Как же не знала, когда он сам тебе об этом сказал? – строго спросил Денисевич.

– Не говорил он! Он сказал, что голова болит. Больше ничего не уточнил, – отрезала Марьяна. – Я ему таблетку предложила, а он ничего не ответил на это.

– И это все его слова? Только про головную боль? – спросил Гуров.

– Говорила я, а он сначала молчал. Пришла, разобрала сумки, начала ему рассказывать, что вот, мол, съездила, привезла нам яблоки, укроп, сливы еще тоже мне дали, салаты всякие со стола, говорю ему, спрашиваю, что, может, он голодный, а он в ответ ни слова. Не сразу очнулся. Ну, я как? Я не сразу легла, я еще побродила. Белье там в стирку, подмела...

Этот, казалось бы, бессмысленный разговор ни о чем Гуров вел не просто так. Он нарочно водил Марьяну по кругу, проверяя правдивость ее слов. Пока что выходило, что она

не лжет.

Марьяна подошла к окну, взяла с подоконника пачку сигарет и чиркнула спичкой.

– Вчера в доме было спиртное? – спросил Гуров.

Он нарочно поставил вопрос именно так, как бы намекая на то, что не считает Марьяну знатной любительницей крепких спиртных напитков, которая не может прожить без алкоголя ни дня. Слово «вчера» должно было сыграть для нее важную роль. Она и в самом деле мало походила на человека, страдающего алкогольной зависимостью. Марьяна не страдала излишней худобой, имела хорошую фигуру, двигалась не угловато или суетливо, что обычно отмечается у алкоголиков со стажем. Зубы и волосы ее были в порядке, кожа имела ровный, а не землистый цвет, тремор рук отсутствовал, а речь хоть и путалась, но сознание оставалось ясным, что тоже указывало на то, что женщина еще не достигла того дна, с которого редко кто поднимается.

Гуров решительно расправил плед на кровати и сел. Крячко последовал его примеру. Участковый и Марьяна предпочли стоять и дальше.

– Так что насчет алкоголя? – переспросил Гуров.

– Была водка в холодильнике, – тут же ответила Марьяна. – И немного пива. Генка без него не вставал и не ложился.

– Так было спиртное или нет?

– Оставалось, но редко вообще-то. Генка всегда пил до дна, а если и оставлял, то совсем немного. И то только пото-

му, что падал на пол и засыпал.

– И вы не удивились тому, что он не допил водку?

– Не удивилась, – спокойно ответила Марьяна. – Он же сказал, что ему плохо. Значит, было не до бухла.

– Вернемся к моменту, когда вы увидели его лежащим в постели.

– Не просто лежащим, а спящим, – поправила Марьяна. – Даже не встал, когда я пришла. Не проснулся даже. Я его позвала, он что-то промычал, я не разобрала. Смотрю – на столе посуды нет, в комнате не накурено, перегаром не пахнет. Значит, думаю, не ел, не пил, что показалось странным, так как он всегда перед сном хотел есть и после никогда за собой со стола не убирал. Говорю: «Вставай, поговорим». А он лежит зубами к стенке и не шевелится. Сказал только, что очень сильно болит голова. Я посмотрела на него, увидела, что он лег-то, не раздеваясь, прямо в штанах и кофте. Только ботинки и снял. Но тут же подумала, что, наверное, напился, если не хватило сил снять одежду. Думаю – ладно, подхватил, может, где-то вирус. Тогда я тоже долго сидеть не стала, закинула гостинцы в холодильник, кое-что по дому поделала и вскоре легла.

Во время разговора Гуров не делал никаких замечок ни в блокноте, который прихватил с собой на всякий случай, ни в телефоне. Все, о чем пока что рассказала Марьяна, не вызвало никаких подозрений. Все складывалось.

Воспользовавшись паузой, Стас решил переключить вни-

мание хозяйки на себя:

– Марьяна Васильевна, постарайтесь вспомнить, куда Геннадий мог вчера пойти без вас? К знакомым, к друзьям или была какая-то халтура?

– Ой, – дернулась Марьяна.

Пепел с кончика ее сигареты упал прямо на пол. Марьяна тут же растерла его ногой.

– Я не знаю, – в упор взглянула она сначала на Крячко, потом перевела взгляд на Гурова. – Мы не ходили, держась за руки. Он мог пропасть на целые сутки, вернуться на другой день и ничего не объяснить. Надоел он мне. Не мужик, а черт-те что. Как раз хотела его выгнать, а он, видишь ли, сам все решил. Из-за него я теперь во всем этом...

Ее подбородок дернулся. Резко отвернувшись к окну, Марьяна глубоко затянулась и изо всех сил воткнула сигарету в плоскую чугунную пепельницу, стоявшую на столе, но не рассчитала силу, и сигарета сломалась надвое.

Денисевич и сыщики молча наблюдали за этой сценой отчаяния.

– Генка был слабым, – со злостью в голосе заговорила Марьяна. – Не мужем, не другом, а вечным маменькиным сынком. Таким, знаете, за которым надо потом крошки со стола смахивать, потому что сам он этого делать не умел. Кто гвоздь забьет в стену? Марьяна. А кто деньги в дом приносит? Марьяна! Он ничего не делал. Только пил и побирался. Так что думайте, что хотите, но это хорошо, что его больше

нет. Прямо дышать легче стало.

– А вы где-то работаете? – спросил Гуров.

– Ты действительно устроилась на работу? – встрепнулся участковый.

– Опомнись, – скривила рот Марьяна. – Две недели как наш подъезд мою. Не по трудовой – соседи скидываются и платят.

– Какая молодец! – восхитился Денисевич и покосился на Гурова.

– А что касается его походов по поселку, то ничего сказать не могу, – продолжила Марьяна, обращаясь к Гурову. – Кроме него, я почти ни с кем не общаюсь. С парой соседей из дома да с Денисевичем.

Она посмотрела в сторону участкового:

– Что смотрите, Юрий Палыч? Подтвердите мои слова, что ли.

– Что мне подтвердить, Марьяна? – посуровел Денисевич.

– Что по рукам не хожу.

– Да что ты несешь?

– Ты же каждый раз меня пристыдить пытаешься. Молчишь, а в глазах черным по белому... Давай, действуй. Устрой представление перед московской полицией. Не хочешь?

Денисевич заметно растерялся.

– Да пошел ты.

Марьяна развернулась и быстрым шагом вышла из комна-

ты и скрылась в кухне, хлопнув дверью. Денисевич двинулся было следом, но был остановлен Гуровым:

– Теперь вопрос к вам, Юрий Павлович. Как проводили свой досуг Геннадий и Марьяна? Где были, с кем были? Интересно мнение знатока и профессионала. – Гуров в ожидании взглянул на участкового.

Денисевич посмотрел в сторону кухни с тихой яростью.

– Да ни с кем особо они дружбу и не водили, – нехотя ответил он.

– Значит, она правду говорит?

– Быть не может, – не поверил Стас.

– Может, может, – горячо закивал Денисевич. – В поселке проживает не очень много злоупотребляющих и иных анти-социальных элементов. Всех поголовно знаю. Где, когда, по сколько человек собираются и в какое время суток. Гена и Марьяна с ними никогда дружбу не водили. Они держались особняком. Этим и выделялись. Хотя Генка мог к кому-нибудь подсесть, но без нее.

– Стас, заканчивайте без меня. Лучше на улице.

Денисевич непонимающе завертел головой.

– Покурим? – улыбнулся Стас. – Пусть Лев Иванович тут сам. Вы же не против?

Гуров поднялся, одернул брюки и зашел на маленькую кухню. Прикрыл за собой дверь, окинул беглым взглядом помещение. Когда-то белые стены украшали темные разводы от сырости, под ногами запружинил вздутый линолеум. Ма-

рьяна сидела за столом с закрытыми глазами.

За спиной раздался звук закрывающейся двери.

– Оставьте меня одну, пожалуйста, – попросила Марьяна, не поднимая век.

– Мы здесь одни. Могу присесть?

Не дожидаясь разрешения, Гуров выдвинул из-под стола табуретку.

– Ну что? Что вам еще от меня надо? – открыла свои большие глаза Марьяна.

– Не Гена сломал вам жизнь. Это произошло гораздо раньше, когда погибла ваша дочь, – тихо заговорил Гуров. – Ваш участковый, может, и ляпнул что-то не то, но, поверьте, он относится к вам очень хорошо. Да вы и сами это, наверное, видите. А что касается вашего сожителя... Именно на Геннадия вы возлагали надежду покончить наконец со всей той чернотой, в которой оказались. Но он не смог вас вытащить из ада. Он даже не старался помочь и тянул вас за собой. Я прав?

Работать психотерапевтом Лев Иванович Гуров не любил. И не просто не любил – он ненавидел это дело всей душой. Не этому его учили в вузе, а потом и на практике, но вышло так, что дело всей его жизни включало в себя не только применение умственных усилий и владение боевым оружием, но и простые разговоры по душам. Часто оказывалось, что именно слово творило чудеса и заставляло человека не только вытряхивать душу наизнанку, но и круто разворачи-

вать свою жизнь на сто восемьдесят градусов.

– Вот умеешь же ты подобрать слова, – заметил как-то Крячко. – Как боженька смолвил.

– Ну, не знаю, не знаю, – не соглашался Гуров.

На самом деле он все прекрасно понимал. Знал, что умеет и может. Жаль, что срабатывало через раз, а не чаще.

Марьяна открыла глаза, посмотрела на Гурова и ничего не ответила. «И снова ни одной слезы, – подумал он. – Всё уже выплакала и никому не верит».

– Наверное, вы правы, – прошептала Марьяна. – Жалко его. Хоронить теперь надо. Кроме меня, он ведь никому не был нужен. Родных нет, ничего в этой жизни не умел. Даже умер как-то не по-человечески.

– Но если Гена и получил по каким-то своим заслугам, то наказание не соразмерно его проступку, если, конечно, можно считать проступком его отношение к вам, – продолжил Гуров. – Давайте прямо, Марьяна. Вы его ударили? Пришли домой, захотели тепла и участия, а вместо этого снова увидели своего пьяного друга. Не рассчитали силу удара, и вышло то, что вышло.

– Я его не трогала, – устало произнесла Марьяна. – Он был недалеким, жутко мне надоел, но его проще было выгнать, чем убить. Не пропал бы в наше-то время. В конце концов, квартира записана на меня, а выписать его с жилплощади можно было в два счета. Но иногда как посмотрю на него: сидит такой, никому, кроме меня, не нужный, худой, с этими

руками своими трясущимися. Лишний в этой жизни. Мы, конечно, ссорились, но драк между нами не было. И потом, Генка был серьезно болен. Что-то по неврологической части. У него периодически сильно тряслась голова, а физически он вообще был очень слабым. Я бы его просто убила одним ударом. Он даже не мог повысить на меня голос, понимаете? Слушался, в рот смотрел. Бывало, наору на него, а он потом целый день ходит как прибитый. Не убивала я его. Не было причин. И я не знаю, где он вчера был. Сколько раз мне еще это повторить? Даже мыслей подходящих нет. И во сколько вернулся, я тоже не могу сказать, честное слово.

Попрощались во дворе ОВД, возле «Мерседеса» Стаса Крячко. Федор Анатольевич Рукоятников вышел проводить и заодно подышать свежим воздухом. Оказалось, что для дальних расстояний он использует трость.

– До ночи сегодня здесь буду, – прокряхтел он. – И что теперь? В итоге оба дела забирает Петровка, 38?

– Ну, вас-то тоже со счетов не спишут, – ответил Гуров. – Результаты экспертизы, протоколы осмотров и прочее – все это на вас. Поторопите с результатами, пожалуйста.

– Поторопим. Помог вам наш участковый? А то ускакал, не сказал ни слова.

– Да, Федор Анатольевич, он очень помог. Он хорошо знает свое дело и тех, за кем нужен глаз да глаз. И адрес Голиковой дал, мы туда сейчас наведемся.

– Думаете, все-таки есть связь между ее исчезновением и

смертью того парня? – нахмурился Рукоятников.

– Ищем, Федор Анатольевич. Ищем. Если Геннадию уже ничем не помочь, то нужно сосредоточиться на поисках Голиковой. Если найдем ее живой и здоровой, то она и прояснит ситуацию. А пока что подождем результатов вскрытия Геннадия Маркина и поищем свидетелей. Ну, не может быть, чтобы человек резко превратился в невидимку. Что-то здесь не то.

Алевтина Михайловна Голикова проживала на окраине поселка. Старый двухэтажный дом, в котором располагалась ее квартира, больше походил на административное здание советских времен. Наружные стены этой фундаментальной постройки, наверное, еще в прошлом веке покрыли толстым слоем бежевой краски, но сейчас от былой красоты не осталось и следа – стены буквально шелушились.

– Тут хоть электричество-то есть? – подивился Стас, вылезая из машины. – Глянь, Лев Иванович, что творится.

– Не знаю, чему здесь удивляться, – честно ответил Гуров.

– Тому, что Москва рядом. Мы как будто в прошлое вернулись.

– Обычно только снаружи ужас, а внутри евроремонт. Какой этаж нам нужен?

– Второй.

– Поторопимся. Иначе домой попадем не раньше ночи.

Гуров едва успел убрать палец с кнопки дверного звонка, как сама дверь распахнулась. Высокий худощавый мужчина

лет шестидесяти с небольшим застыл на пороге и в ожидании уставился на сыщиков через толстые стекла очков. Растянутая мятая футболка и спортивные штаны, в которые нарядился мужчина, ясно давали понять, что гостей в этом доме не ждали.

– День добрый, – поздоровался Гуров. – Нам нужны Семенцовы.

– Мы они и будем, – с подозрением протянул мужчина. – А вы, смею спросить, кто?

Гуров показал свое удостоверение, и мужчина подслеповато прищурился, стараясь его рассмотреть. Пришлось поднести ксиву к его лицу как можно ближе.

– Это из полиции, Георгий. Я же говорила, что к нам еще не раз придут, – раздался женский голос, и откуда-то сбоку тут же появилась его обладательница. Встав рядом с мужчиной, женщина ловко оттерла его в сторону и отступила, приглашая зайти. – Здравствуйте. Я Ольга Матвеевна, а это мой муж Георгий Петрович. Все верно, мы и есть Семенцовы.

– Но сколько же можно? – возмутился мужчина. – Мы уже и в отделении полиции были, и на все вопросы ответили. Участковый заходил, соседи пристают. Что же еще от нас нужно?

Супруга одарила его выразительным взглядом. Георгий Петрович сразу же умолк, но возмущенное выражение с его лица никуда не делось.

– Мы хотели бы задать несколько вопросов про хозяйку

квартиры Голикову Алевтину Михайловну, – пояснил Гуров.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила Ольга Матвеевна и тяжело вздохнула. – Мы, правда, собирались в магазин, но это можно отложить на завтра. Комната справа.

Крячко первым двинулся по узкому коридору. Лев Иванович пошел следом. Как и ожидалось, внешний вид жилого дома значительно отличался от внутреннего убранства квартиры. В отличие от ветхого фасада, все здесь было новеньким, свежим, от ламината до потолочных плинтусов. Ремонт в квартире закончили совсем недавно, и в воздухе все еще угадывался слабый запах то ли краски, то ли обойного клея.

– Присаживайтесь на диван. Чайку? – улыбнулась Ольга Матвеевна.

– В другой раз, – отказался за обоих Стас.

– Тогда минуточку.

Ольга Матвеевна обогнала Стаса и заметалась по комнате. Ее руки мелькали со скоростью света, то поправляя тяжелые оконные занавески, то прикасаясь к цветочным горшкам на подоконнике, то одергивая домашнюю футболку, то приглаживая волосы, которые даже не были растрепаны. Постепенно в ее руках собралось то, что Гуров и Крячко могли и не заметить: кофейная кружка, газета, несколько пустых магазинных пакетов, махровое полотенце и книга с закладкой в виде обрезка желтой атласной ленты. Все это она торжественно понесла на выход, напоследок остановившись в две-

рях и окинув внимательным взглядом комнату.

– Еще минуту, – попросила она. – Муж примет лекарство, и мы придем. Присаживайтесь.

Она вернулась буквально через десять секунд и привела с собой мужа. Именно так – привела, держа за руку, а Георгий Петрович покорно шел за ней и уже не возмущался. Они взяли стулья, поставили их напротив дивана и сели. Переглянулись, и Ольга Матвеевна ободряюще улыбнулась супругу.

– Про чай забыла! – вскинулась она.

– Давайте обойдемся без чая, – попросил Гуров.

– Как скажете, как скажете, – тут же согласилась Ольга Матвеевна.

Супруги Семеновы внешне очень подходили друг другу. Оба молодожаво выглядели, были высокими и отличались особенной статью, какой обычно обладают бывшие профессиональные спортсмены, давно отошедшие от дел, но продолжающие поддерживать форму. Ольга Матвеевна в молодости вообще была красавицей, а ее муж в прошлом тоже наверняка не успевал отбиваться от поклонниц. Прямо-таки крепкая семья из сериала, где оба смешно ссорятся на глазах у соседей и детей.

– Вы не нашли Алевтину Михайловну? – с тревогой спросила Ольга Матвеевна. – Или... нашли?

Последнее слово она произнесла шепотом. В глазах мелькнул страх.

– Не нашли, – ответил Гуров. – Но обязательно найдем.

Ольга Матвеевна посмотрела на мужа.

– А мы вас ждали, – сказала она. – Жить в неизвестности сложно. Не обижайтесь на мужа, пожалуйста. Просто никаких новостей про нашу Алевтину Михайловну так и нет, а мы все ждем и боимся, ждем и боимся.

Внимание Гурова привлек фотопортрет красивой темно-волосой женщины, украшавший стену напротив. Умелый фотограф поймал искреннюю улыбку на лице своей модели, наполовину прикрытом темными волосами, разбросанными ветром. Ольга Матвеевна проследила за взглядом Гурова, а когда поняла, куда он смотрит, то горько улыбнулась:

– Да-да, это наша хозяйка. Кажется, фотография была сделана в восьмидесятых годах. Да, Георгий? Он не помнит. Да, точно. Здесь она в Париже перед вылетом в Берлин. Тут целая история. Алевтина Михайловна пробыла во Франции три дня вместе с каким-то немцем. Она тогда жила за границей и работала переводчицей. Поездила по миру, посмотрела, как люди живут. Этот портрет мы заказали специально к ее дню рождения, увеличив изображение на маленькой фотографии. А вот где фото, я даже не помню.

– Дружили с ней? – Гуров оторвался от портрета.

Георгий Петрович кашлянул и тронул жену за плечо.

– Не настолько и близки мы были, но и чужими нас было бы сложно назвать, – ответил он. – Алевтина много о себе не рассказывала. Это право каждого человека – не делиться личным. Тут всё по желанию.

Он с таким благоговением произнес эти слова, что Гуров не удержался и бросил на Стаса многозначительный взгляд. Тот выразительно приподнял бровь.

– Давно вы снимаете комнату у Голиковой?

– Семь лет, – с готовностью ответила Ольга Матвеевна. – Счастливое число.

– Конфликтов с хозяйкой не было?

– Нет, мы жили достаточно дружно, уважая границы друг друга. Мы с мужем, так уж вышло, не имеем возможности приобрести квартиру, а Алевтина Михайловна сдает нам комнату за сущие копейки.

– А сами вы откуда?

– Из Москвы. Мы коренные москвичи, – подчеркнула Ольга Матвеевна. – Там с мужем родились, там и жили. Но квартиру потеряли из-за мошенников и остались без крыши над головой. Алевтина нас приютила и разрешила жить столько, сколько будет нужно.

– И сколько вы ей платили за проживание?

– Пятнадцать тысяч в месяц плюс помощь по хозяйству.

– Действительно по-божески, – удивился Стас. – А у нее и хозяйство имеется?

– У нее свой автомобиль. – Георгий Петрович взглянул на жену, как будто бы ища одобрения своим словам. – Я за рулем всю жизнь, в моторах разбираюсь неплохо и без ложной скромности скажу, что это здорово упрощает жизнь. А услуги автосервиса нынче многим не по карману. В этом плане

Алевтине Михайловне с нами здорово повезло. Ой, простите, – смутился он. – Я абсолютно не хвалю себя, но она сама так говорила. Наша-то машина давно стоит с пустым бензобаком. Древность, а не автомобиль. «Ситроен Берлинго» двухтысячного года.

– Старая машинка, – согласился Гуров. – На ходу?

– Иногда не слушается, но я...

– Мы помогли ей и по дому, – перебила его Ольга Матвеевна. – Я убиралась, иногда готовила, а Георгий ездил с ней за покупками. Возраст у Алевтины Михайловны, сами понимаете...

– Подрабатывал, так сказать, личным водителем, если это требовалось, – не унимался мужчина. – Или она просила нас, например, сходить на почту или забрать заказ из пункта выдачи.

– Или сбегать ей за сигаретами, – поморщилась Ольга Матвеевна.

– Да ладно тебе, – хмыкнул Семенцов. – Она и курила-то не много.

– Мы вот в доме ремонт этой весной затеяли, – снова перебила мужа Ольга Матвеевна. – Здесь же все разваливалось, а Алевтина Михайловна была слишком занята, чтобы этим заниматься. Вот мы с мужем и предложили помочь. Она одобрила идею, а всю работу выполнили мы. Ей было это нужно, понимаете? Потому что к ней сюда приходили ученики, и приводить их в комнату с замызганными обоями станови-

лось неловко. Алевтина Михайловна лично выбирала все материалы. За все платила тоже она. У нас нет сейчас такой возможности.

– У нас очень давно нет такой возможности, – грустно подчеркнул Георгий Петрович. – Если бы не Алевтина Михайловна, то мы бы...

Ольга Матвеевна взяла его за руку:

– Не надо, Георгий. Все в порядке. Справлялись же раньше? Справимся и теперь.

На ее лице мелькнуло скорбное выражение. Муж сжал руку Ольги Матвеевны и попытался улыбнуться.

– А что с вами случилось? – спросил Гуров. – Что за ситуация с квартирой?

Семенцовы переглянулись. Слово взяла Ольга Матвеевна:

– Еще семь лет назад у нас была прекрасная трехкомнатная квартира в Строгино. В какой-то момент решили ее продать, чтобы купить загородный домик. Чтобы небольшой такой, с огородиком. Плюс доплата. Нам бы до конца жизни хватило тех денег.

– Мы давно о таком побеге мечтали, – встрял Семенцов. – Мы до сих пор в чем-то авантюристы...

– Это... так, – с трудом согласилась Ольга Матвеевна. – В общем, нашла я риелтора, он подобрал варианты. Сделка выглядела надежной, а риелтор казался порядочным. Мы даже наш домик на фотографии видели. Но в итоге нас обманули. Мы потеряли деньги и никакого домика не получи-

ли. Пришли в полицию, а там таких, как мы, – целая очередь. Тот человек, оказывается, одновременно с нами успел обмануть многих. Его задержали, был суд, мы там выступали в роли потерпевших, но денег нам так никто и не вернул. Остались ни с чем. Георгий по профессии инженер-строитель, а я преподаватель игры на фортепиано. История с продажей квартиры случилась как раз после того, как мы оба вышли на пенсию. Накоплений у нас не было. Вот так всё и потеряли. Через знакомых Георгий нашел пустующую дачу, куда мы свезли мебель. Готовили на электрической плитке, спали под двумя одеялами. Я чуть руки на себя не наложила. Так и прожили год, пока не познакомились с Алевтиной. А детей у нас нет, родных не осталось, так что помочь нам никто не мог. Да мы и сами не хотели никому навязываться. Мы все-таки представители поколения, которое привыкло решать проблемы собственными силами. Только уже не осталось тех самых сил.

Ольга Матвеевна замолчала и опустила голову. Муж наклонился к ней, заглянул в лицо.

– Это я виновата, – прошептала Ольга Матвеевна. – Только я.

– Перестань! – повысил голос Георгий. – Прекрати себя изводить, а так и с ума сойти можно. Ты обещала.

– Но это же я нашла того риелтора! А теперь мы без всего. Боже мой!

– Прекрати немедленно, Ольга, – властным голосом по-

требовал Георгий Петрович. – Ты ведь дала мне слово не казнить себя? Вот и держи его. Ни к чему это все.

Внимательно наблюдая за Семенцовыми, Гуров поймал себя на мысли, что таких сплоченных семейных союзов не встречал давно. Эти немолодые люди не проявляли друг к другу ни раздражения, ни неуважения, ни какой-либо еще нетерпимости. Причем оба вели себя абсолютно естественно, не наигранно. Сплошная благодать для зрителя. Но вместе с тем нельзя было не отметить, что главнокомандующий в семье отнюдь не Георгий Петрович. Во время разговора Ольга Матвеевна часто произносила такие местоимения, как «мы», «нас» и тому подобные. Так выражаются, как правило, матери, которые рассказывают о своем ребенке: «нам сделали прививку», «у нас прорезался первый зуб», «мы пошли в первый класс». Понятно, что любая мать мысленно переживает со своим ребенком все события его жизни, полностью погружаясь в них и переживая заново, как в первый раз. Поэтому и «мы». Но у Семенцовых не было детей. Ольга Матвеевна перенесла свое несостоявшееся материнство на мужа и, кажется, попала в точку – мужику это явно нравилось. Георгий Петрович прямо-таки смотрел ей в рот и буквально не выпускал ее руку из своей. Да и свою гневную реакцию при виде полиции на пороге квартиры он затушил очень быстро, едва жена открыла рот. Однако стоило ей признаться в том, что она чувствует себя виноватой, Георгий Петрович моментально поменялся с ней ролями, заняв командирский пост.

Беседовали недолго. Семенцовы практически повторили то, о чем уже доложил сыщикам участковый: третьего сентября в одиннадцать часов утра Голикова отправилась с Георгием Петровичем в Москву. Выехали на ее «Ладе Калине». У станции метро «Молодежная» Георгий уступает руль Голиковой, а сам едет на строительный рынок, чтобы заказать новую входную дверь в квартиру. После рынка он навещает коллегу, у которого гостит до девяти часов вечера. На обратном пути на всякий случай он решает позвонить хозяйке, но она на звонок не отвечает. Тогда он со спокойной совестью едет домой своим ходом, а уже дома от жены узнает, что Алевтина Михайловна до сих пор не вернулась. Прождав ночь, Семенцовы отправляются в полицию и заявляют, что Голикова пропала.

Участковый Денисевич успел опросить Георгия Петровича, который мог оказаться последним, кто видел Голикову. Гуров и Крячко, в свою очередь, также успели ознакомиться с его показаниями. Третьего сентября он действительно был в гостях у знакомого, с которым раньше работал в конструкторском бюро. Но знакомый с четвертого сентября находится в отпуске в далекой Греции, поэтому алиби Семенцова подтвердила со слов отца его дочь. Ольга Матвеевна тоже была вне подозрений, потому что третьего сентября из поселка не выезжала, и свидетели нашлись очень быстро.

Ответив на все вопросы, Семенцовы сидели в ожидании новых. На лицах читалась готовность слушаться и подчи-

няться.

«Так и хочется сказать: “Вольно!” – подумал Гуров. – Эх, почаще бы нам так же шли навстречу».

– Вы меня извините, но я кое-что должна сказать, – пода-
лась вперед Ольга Матвеевна.

– Да-да? – напрягся Гуров.

– Я только что вспомнила... – Женщина коснулась мизин-
цем виска: – Господи, совсем из головы...

Она нетерпеливо повернулась к мужу:

– Жора, Алевтина ведь говорила, куда собирается по-
ехать! – воскликнула она.

– Чего? – не понял Георгий Петрович.

– Вспоминай! Она же называла фамилию. То ли Рогов, то
ли Громов. Ну, Жора! Ты совсем уже плохой, да? Вспоминай
быстро! Я же не могла все придумать.

Семенцов растерялся. Он сидел с совершенно глупым ви-
дом, и, кажется, такой горячий напор со стороны жены на-
прочь отбил у него всякую возможность соображать. Он по-
пытался снова взять ее за руку, но в этот раз Ольга Матвеев-
на раздраженно отмахнулась.

– Так, – решительно заявила она. – Давайте я своими сло-
вами. Алевтина накануне исчезновения упоминала про че-
ловека, который перед ней в большом долгу.

– Это когда она такое говорила? – выпучил глаза Георгий
Петрович.

– Я на часы в тот момент не смотрела, – поджала губы

Ольга Матвеевна. – Но это было вечером, после ужина. Мы с ней на кухне прибирались, а ты туда-сюда шастал.

– Вообще не помню, – пробубнил Семенов.

– Ну и сиди молча, – приказала Ольга Матвеевна. – Мы с ней болтали о планах на завтрашний день. И тогда она сообщила о том, что ее на следующий день ждет не очень приятная встреча. Она бы не поехала, если бы могла, но ей необходимо это сделать. Я, конечно, расспрашивать не стала, но у Алевтины была привычка ляпнуть что-то, чтобы все услышали, и тут же умолкнуть. Мы иногда даже терялись, не знали, что и думать. К чему она это говорит? Почему не продолжает? Как нам реагировать на ее слова? Такая вот не слишком приятная особенность у нее была. Понимаете, о чем я? Так вот, она назвала фамилию. То ли Рогов, то ли Громов. И он ей очень обязан. Таким, знаете, низким голосом сказала, многозначительно так. Именно с ним она и собиралась встретиться.

– Рогов или Громов? А точнее не припомните? – спросил Стас. – Кто он такой? Что-то еще она о нем рассказала? Может, упоминала адрес? Район? Станцию метро? Или указала на какую-то связь с этим человеком?

– Она с ним раньше работала, – внезапно выдал Георгий Петрович.

Ольга Матвеевна чуть не задохнулась от возмущения:

– Очнулся. А ты откуда знаешь? Ты же сказал, что ничего не помнишь!

– Я и не помню! – огрызнулся Семенцов. – Но ее фразу про то, что кто-то там с ней раньше работал, я услышал.

– Да что ты!

Гуров громко кашлянул, чтобы прервать перепалку.

– Алевтина должна была встретиться с бывшим коллегой.

Я правильно понял? – спросил он.

– Правильно, – кивнул Георгий Петрович.

– Может быть, вы что-то еще краем уха слышали? – вкрадчиво предположил Стас. – Ну, знаете, всякое бывает. Это как во сне. Не прислушиваешься, а в памяти застревает. Так еще иностранные языки во сне учат.

– Ничего я больше не слышал.

– Понятно.

– Она и на кухне-то недолго пробыла, – виновато произнесла Ольга Матвеевна. – Ушла к себе. Только утром и увиделись. Но утром она уже ни о чем не упоминала. Ни о планах, ни о чем-то еще.

– А у нее есть записная книжка? – Стас демонстративно обвел взглядом комнату.

– Нет, она все контакты держала в телефоне, – с сожалением ответила Ольга Матвеевна. – Говорила, что записные книжки теперь никому не нужны. Батюшки... А вдруг тот ее знакомый с ней что-то сделал?

Она ахнула, широко распахнув глаза.

– Ну, почему сразу с ней кто-то что-то должен сделать? – спросил Стас. – Были прецеденты? Может быть, Алевтина

Михайловна с кем-то поссорилась или ей угрожали?

Ольга Матвеевна замялась.

– Про врагов и угрозы ничего не знаю, но у Алевтины был непростой характер, – извиняющимся тоном ответила она. – Не подумайте, что я жалуясь. Мы-то к ней привыкли, подстроились за несколько лет, но и то случается, что она на нас срывается. То я чашки не той стороной в сушилку поставила, то мясо в духовке передержала. Но это такое... Привычное. Но она конфликтовала с соседями, это я точно знаю.

– По поводу?

– А по любому. Машину не там припарковали, например. Или чей-то ребенок в магазине громко заплакал. Но на то он и ребенок, чтобы плакать, а детьми ведь были все. Прояви понимание, сочувствие, улыбнись. Но нет, Алевтина сразу шла воевать. Вечно несогласная, недовольная. Это было в ее характере, да.

– А сами конфликты были серьезными и продолжительными?

– Не могу сказать, – развела руками Ольга Матвеевна. – Все это со слов Алевтины. Нас рядом с ней в те моменты не было.

– Имя Геннадий Маркин о чем-нибудь вам говорит? – резко сменил тему Гуров.

Ольга Матвеевна недоуменно взглянула на мужа. Тот сморщил высокий лоб и уставился на свои тапочки.

– А кто это такой? – спросила Ольга Матвеевна.

– И я не могу вспомнить, – признался ее супруг.

– Проверяем кое-какую связь, – пояснил Гуров. – Запишите наши номера телефонов. Если вспомните что-то еще, то звоните в любое время. Договорились? В любое время.

– Конечно, конечно, – засуетился Георгий Петрович. – Сейчас принесу ручку. Надо же... А я даже и не знал, что у нее встреча. Она мне ни слова не сказала. Минуту, я сейчас.

Он вышел из комнаты, а Ольга Матвеевна все еще сидела с испуганно-изумленным видом, глядя то на Крячко, то на Гурова, будто перед ней внезапно из ниоткуда вместо них вдруг появилась загулявшая хозяйка квартиры.

– Вот! – вернулся в комнату Георгий Петрович и продемонстрировал присутствующим облезлый карандаш. – Слушаем вас внимательно.

Гуров курил, глядя в лобовое стекло. Стас, предусмотрительно опустивший все оконные стекла в «Мерседесе», подумал и тоже достал сигарету.

– Мы с Тamarой ходим парой, – вспомнил Стас строчки известного стихотворения. – Забавная семейка. Давненько я таких «близнецов» не встречал.

– Семенцовы-то? – отозвался Гуров. – Командирша и подкаблучник. Один из самых крепких союзов.

– Думаешь, они ни при чем?

– А я пока не знаю, – признался Гуров. – Но ты прав, парочка весьма интересная. И мотив в виде жилплощади налицо. С другой стороны, они жили в одном доме вместе с

Голиковой семь лет. Почему не избавились от нее раньше?

– Проверим их, и тогда станет ясно. А что насчет нашего алкаголика?

– А вот насчет причастности Гены, которому пробрили голову, сомневаюсь. Надо установить, каким образом и где Гена получил смертельную травму. Странно, что никто его не видел, когда он шел домой с дырой в черепе.

– Идет алкаш, шатается, вздыхает на ходу, – пробормотал Стас. – Наверное, на вечно пьяного Гену местные жители уже просто не обращали внимания. Никто и не станет пристально рассматривать. Гена ведь злоупотреблял, так? Значит, часто ходил неровной походкой. Таким его видеть привыкли.

– А что, если этот человек, с которым должна была встретиться Голикова, был ей должен что-то важное и нужное? – продолжил размышлять Стас. – А отдавать не захотел. Или попросил взамен что-то неподъемное для Голиковой.

– Если верить тому, что про нее рассказывают, она бы этот долг из негодяя с мясом вырвала, – усмехнулся Гуров. – Не исключаю, что перегнула палку.

– И что бы это могло быть? Денежный долг?

– А кто сказал про деньги? – спросил Гуров. – Долги – они ведь разными бывают.

– Резонно, – согласился Стас и взглянул на часы: – Поехали?

– Поехали, – сказал Гуров, пристегивая ремень безопас-

ности. – Тогда подаем «Ладу Калину» в розыск по Москве, а Рукоятников пусть ищет на своей территории. Начнем с поисков Рогова, или как его там. Надо покопаться в знакомствах Голиковой. И в ее прошлом. Оно у нее наверняка интересное.

– Не сомневаюсь, – ответил Стас и повернул ключ в замке зажигания.

Глава 3

Утро следующего дня было ясным и ознаменовалось неожиданным возвращением с больничного генерал-майора Петра Николаевича Орлова. Едва Гуров и Крячко ступили на порог своего кабинета, как тут же получили сигнал от Веры.

– Пришел. Вроде в настроении. Попросил документы за все время его отсутствия. Вызывает, – протараторила она и бросила трубку.

– Что-то он быстро, – заметил Крячко. – Или сейчас так лечат?

– Как? – не понял Гуров.

– Для очистки совести, а потом вся ответственность на тебе.

– Скорее всего, сам ушел. Не смог работать удаленно. Как же мы тут без его контроля? Ни погонять, ни на ковер вызывать. Сомневаюсь насчет слов Веры, не может он быть в хорошем настроении.

Гуров оказался прав. Орлов встретил сыщиков без тени улыбки, кивнув вместо приветствия, и молча указал на стулья. Сам так и остался сидеть за столом, обложившись бумагами. Стас многозначительно покашлял в сторону Гурова, и генерал-майор тут же вскинулся, будто ему внезапно наступили на ногу.

– Приболел? – холодно улыбнулся он.

– Здоров, – отрапортовал Крячко. – Рад видеть начальство в добром здравии.

Гуров предпочел промолчать. Когда это было необходимо, Стас умел «включить» нужное поведение, подобрать точные слова и использовать жесты, чтобы показать человеку, что они на одной волне. Это очень помогало втереться в доверие, например, к подозреваемому. Но вот парадокс – такие перемены никогда не срабатывали на Орлове. Петр Николаевич прекрасно распознавал фальшь в любой маскировке, и все манипуляции, производимые в его отношении, жестко блокировал. Но сейчас Стас, как и Лев Иванович, действительно были рады появлению начальства, поскольку заместитель Орлова, с которым они так и не успели увидеться, не устроил бы их в любом случае.

– Выписали? Или это был побег? – спросил Гуров, выдвигая стул. – Маловато времени ты что-то в клинике провел.

– Выписали по требованию. Я из них всю душу вынул. Только зря койку занимал.

Гуров всмотрелся в документы, разложенные на столе. В глаза бросилась подпись Рукоятникова. «Ну что ж, так даже лучше, – с облегчением подумал Гуров. – Значит, Орлов в курсе того, где мы вчера провели целый день».

– Смотрю, ты уже знаешь про труп Маркина, – понял Гуров. – Для меня это стало сюрпризом. Что там Федор Анатольевич говорит? Ничего нового они не узнали?

Орлов вынул из папки лист бумаги и протянул Гурову:

– Сегодня утром по электронной почте Рукоятников отправил нам результаты вскрытия. Ознакомьтесь пока.

Стас придвинулся вместе со стулом к Гурову.

Генерал-майор вышел из-за стола, подошел к шкафу и достал из него маленький фарфоровый заварочный чайничек. Сколько Гуров себя помнил, с этим чайничком Орлов не расставался. В далекие времена он любил сделать себе заварку покрепче, так, чтобы ложка стояла, а если работа заставляла задерживаться допоздна, то и другим наливал. Даже теперь, когда всем стало удобнее пользоваться чайными пакетиками, он, собираясь пить чай, перед этим вытаскивал из закровов свой маленький приплюснутый чайник, снимал с него крышечку и зачем-то заглядывал внутрь, после чего водружал крышку на место и возвращал чайник на полку.

Гуров постарался сдержать улыбку. И не так важно, что Орлов уже давно не использовал чайник по назначению. Дело тут, видимо, было в привычке. Со стороны его действия выглядели забавно, но Гуров слишком уважал своего шефа, чтобы высмеивать его любимый ритуал. Пока вода закипала, он вышел из кабинета и вернулся со стаканом воды.

– Ну и что скажете? – поинтересовался Орлов, опускаясь в кресло.

– А что тут скажешь? Все в лучших традициях: удар тупым предметом по голове, открытая черепно-мозговая травма и смерть, – вздохнул Гуров. – Правда, умер он не сразу, а сумел дойти до дома и даже успел пообщаться с любимой

женщиной. Но у нее есть алиби. Но весьма шаткое, я считаю. Сожительница уже давно испытывала неприязнь к Маркину и планировала выселить его со своей жилплощади. Утверждает, что их отношения держались только на ее жалости к нему. В какой-то момент Марьяна могла не сдержаться и инсценировать нападение на Маркина. Может быть, именно поэтому никто не видел его на улице вечером? Может быть, он в это время был дома?

– Орудия убийства нет, – напомнил Крячко.

– Избавиться от него дело нехитрое, – бросил через плечо Гуров. – Любой булыжник возьми и действуй, а потом положи его на место – никому и в голову не придет.

– Тогда надо поискать предмет, с помощью которого Марьяна могла бы пришить сожителя, – заключил Крячко. – И вряд ли она его далеко упрятала. Участковый упоминал, что квартиру обыскали и ничего не нашли. А на улице они смотрели?

– Ты меня об этом спрашиваешь? – обернулся на него Гуров.

– А кого же еще?

– От момента нанесения удара до момента смерти прошло восемь часов, – Гуров протянул заключение о вскрытии Стасу. – Время возвращения Марьяны домой можно установить, если учесть расписание автобуса, на котором она вернулась в поселок. Ее же водитель запомнил. Также ее могли заметить случайные свидетели. Надо поговорить с участковым, чтобы

он помог организовать это дело...

Орлов шумно втянул носом воздух.

– Приятно, что вы рассматриваете все варианты, но вынужден прервать ваши рассуждения. Вчера вечером я попросил Рукоятникова прислать копии материалов дела. Результаты вскрытия, протоколы допросов, осмотров и прочее. Потом ознакомитесь. Новости такие: с сегодняшнего дня полиция прекратила поиски Голиковой, теперь этим занимаются только волонтеры. «Лада Калина», принадлежавшая пропавшей, объявлена в розыск по Москве и области. Теперь про Маркина. Откуда он вообще взялся? Почему вы решили, что его смерть имеет какое-то отношение к исчезновению Голиковой?

– Я не ищу связь, а хочу убедиться в ее отсутствии, – объяснил Гуров. – Есть у меня одна версия, которую я со Стасом еще не обсудил.

– А ну-ка, – Стас сложил руки на столе и приготовился слушать.

– Допустим, что Голикова и Маркин сцепились на нейтральной территории. Причина ссоры могла быть любой, даже самой незначительной. Как известно, Голикова не проявляла особой вежливости по отношению к тем, кто ее раздражал. Маркин не выдерживает, дает отпор и случайно убивает ее.

– А спустя десять дней она решает ему отомстить, оживает и убивает теперь уже его, – продолжил Стас. – Но если

без шуток, то кто тогда убил Маркина? И за что? Можно ли считать его смерть обычной случайностью или это спланированное убийство?

– Я бы спросил, да он не ответит.

– Чтобы зайти в такие глубокие дебри, необходимо обладать разнузданной фантазией, – заключил Орлов. – Вы себя со стороны слышите? Мы расследуем исчезновение Голиковой, а не смерть Маркина. Он здесь вообще ни при чем.

– Пока. Пока ни при чем, – заметил Гуров.

– Когда обнаружишь между ними связь, то милости прошу. А пока что давай-ка займемся Голиковой, – сказал Орлов. – А то все в одну кучу.

– Известно, что тетка была скандальной, но при этом щедро раздавала милостыню. – Стас вышел из-за стола, приблизился к открытому окну и выглянул на улицу. – Квартиранты утверждают, что нервы она в поселке попортила многим. Доходило даже до рукоприкладства. Могла пнуть чужую машину или велосипед, швырнуть деньги в лицо продавцу. Кто-то мог затаить обиду и прихлопнуть злобную старуху. Но эту версию я бы пока отложил. Имеется другая, в которую верится больше. В день своего исчезновения Голикова собиралась навестить человека, точное имя которого установить не удалось. Рогов или Громов. Или что-то созвучное. Раньше он работал с Голиковой. А еще он был ее должником. Муж и жена Семенцовы, которые снимают у Голиковой угол, слышали своими ушами, что долг ей какой серьезный. Но о чем

именно идет речь, сама хозяйка не уточнила.

Генерал-майор перевел взгляд на Гурова.

– Надо поискать того человека, – пожал плечами Лев Иванович.

Орлов решительно прихлопнул ладонью кипу бумаг, лежащих на столе.

– Стало быть, расклад такой, – решительно произнес он. – Маркина оставляем в покое, так как никаких доказательств того, что он причастен к исчезновению Голиковой, нет. А пока что тебе, Стас, поручаю отправиться в Шаткое и еще раз опросить всех, кто может хоть что-то знать об этой женщине. Подключай участкового, обойдите с ним ее соседей, знакомых, учеников и даже тех, с кем она постоянно ругалась, – спустя некоторое время кто-то наверняка что-то новенькое да вспомнит. А ты, Лев Иванович, пройдишь по всем прежним местам работы Голиковой. Надо найти этого коллегу, с которым она собиралась встретиться.

Поиски информации о советском прошлом Алевтины Михайловны Голиковой заняли несколько дней. Гуров пропал в архивах и на Петровке практически не появлялся. Он целыми днями просматривал оцифрованные документы либо по уши закапывался в кипах потрепанной временем канцелярской писанины. До таинственного Рогова-Громова Гуров добрался тогда, когда практически потерял надежду найти о нем хоть какие-то сведения. Несколько раз до того ему на глаза попадались пофамильные списки граждан,

выезжающих по работе за границу. Особенно интересовали те, кто держал путь в Германскую Демократическую Республику, и вот тут-то, в одной тонкой папке с обложкой цвета беж, и обнаружился список «вольноработного состава» при посольстве СССР, обитавшего в Восточном Берлине в период с 1975 по 1992 год. Голикова числилась в этом списке. Однако ни Рогова, ни Громова в нем не было. Зато присутствовал некий Алексей Моргунов, который тоже пребывал в ГДР в те же даты, что и Голикова. Его фамилия наиболее всего напоминала ту, которую назвала Семенцова.

Оставалась самая малость – нужно было узнать, жив ли Моргунов. А если жив, то где его можно найти. Добыть эти сведения Гурову удалось быстро. Моргунов был жив и, если верить полученным данным, вот уже тридцать лет проживал на западе столицы. Правда, на него не был зарегистрирован ни один мобильный номер, но в телефонной базе данных нашелся обычный городской, и это вполне устраивало Льва Ивановича.

На звонок в дверь никто не ответил. Гуров прислушался – показалось, что в квартире происходит какое-то движение. Месяц назад Алексею Петровичу Моргунову стукнуло семьдесят семь, и ожидать от него юношеской прыти было бы ошибкой.

– Кто там? – донесся из глубины квартиры низкий мужской голос.

– Полиция! – зычно отрапортовал Гуров.

– Зачем я вам нужен? – на этот раз голос прозвучал ближе.

– На пару вопросов. Откройте, пожалуйста.

Изнутри в замке повернулся ключ, но сама дверь так и не шелохнулась.

– Откуда мне знать, что вы из полиции?

– Могу я увидеть Алексея Егоровича Моргунова? – вместо ответа спросил Гуров.

– Это я. А вы кто такой?

– Полковник юстиции, следователь по особо важным делам Гуров Лев Иванович.

– И документ соответствующий имеется?

– Если вы разрешите войти, то с радостью продемонстрирую серьезность своих намерений, – пообещал Гуров. – Удостоверение тоже.

– Зачем я мог понадобиться полиции?

– Алексей Егорович, откройте дверь.

Требовательный тон сработал. Дверь скрипнула и отворилась. На пороге Гуров увидел высокого старика в длинном махровом халате болотного цвета, напряженно всматривающегося в его лицо.

– Могу я зайти? – уже более миролюбиво поинтересовался Гуров.

– Покажите ваши документы, – напомнил Моргунов.

– Конечно.

Моргунов вынул из кармана очки, надел на нос и внимательно изучил удостоверение.

– Теперь вы мне поверили? – усмехнулся Гуров.

– Никому нельзя верить, – без тени улыбки ответил Моргунов. – Я должен знать, с какой целью вы пришли.

– Вы знакомы с Алевтиной Михайловной Голиковой?

– А что... – растерялся Моргунов.

– Знакомы или нет?

– Да, мы знакомы... были, – дернул головой Моргунов. – Я не видел ее долгое время.

«Слава богу, – выдохнул Гуров, в глубине души до сих пор сомневавшийся в том, что обратился по адресу. – Рогов или Громов оказался тем самым Моргуновым. А то бы пришлось стоять тут дурак дураком и что-то объяснять».

Гуров понял, что в дом его пускать не намерены – старик так и стоял в дверном проеме, держась за косяк. За его спиной виднелся темный коридор, заворачивающий за угол. Из квартиры пахнуло затхлостью, и Гуров на мгновение задержал дыхание. Он так и не смог привыкнуть к стойкому запаху, наполнявшему жилища некоторых пожилых людей. Так пахли одиночество, безысходность и равнодушие.

Разговаривая с Гуровым, Моргунов стоял на сбитой половой тряпке, которая, очевидно, служила ему придверным ковриком, но лежала не с внешней стороны входной двери, а сразу при входе в квартиру. «Так и споткнуться недолго, – автоматически отметил Гуров. – Особенно в темноте. Особенно в таком возрасте, как у него. Останется лежать, пока не умрет. В квартире прописан только он, но, может быть,

он с кем-то живет?»

Как только свет с лестничной площадки упал на лицо Моргунова, стало понятно, что он не любитель бывать на свежем воздухе. Об этом говорила необычайная бледность кожи на его лице. Пропуская Гурова в квартиру, он неловко потоптался на месте, будто стараясь ни обо что не споткнуться. Лев Иванович сделал два шага вперед и остановился, ожидая дальнейших указаний. Моргунов захлопнул дверь, закрыл ее на замок и повернулся к Гурову.

– Прошу, – пригласил он и вытянул руку в сторону коридора. – Не разувайтесь. И не задавайте вопросов.

Вопросы возникли тут же. С лестничной площадки и при отсутствии освещения внутри квартиры коридор было не рассмотреть, но теперь, оказавшись непосредственно внутри, Лев Иванович обратил внимание на огромное количество всевозможного хлама, расставленного вдоль стен. Здесь были старые картонные коробки, доверху заполненные книгами и каким-то тряпьем, набросанным как попало, а уже дальше, по мере движения, можно было увидеть высоченную металлическую стойку напольного торшера, увенчанную тремя пустыми патронами. Разобранный журнальный столик, пакет из «Пятерочки» с непонятным содержимым – и вдруг тонкая высокая ваза с ярким орнаментом по краю горлышка, которой касался деревянный стул, а на нем был устроен второй, только ножками вверх. Гуров заметил только то, на что успел обратить внимание. Коридор был напол-

нен старыми вещами, от которых, как правило, предпочитали избавляться без особенных сожалений. «Коллекционер или псих? – потерялся Гуров. – С каких помоек он все это притащил? И куда он это потом денет, интересно?»

Та же обстановка царила и в комнате, куда Моргунов привел Льва Ивановича. Правда, в отличие от коридора здесь царил относительный порядок. Комнату Моргунов предпочел подарить книгам. Их было столько, что у Гурова зарябило в глазах. Они отвоевали подоконник, часть пола возле стены, стояли в широком книжном шкафу и кокетливо демонстрировали свои корешки даже из-под неширокой кровати, которой определенно пользовались. Ровно застеленная шелковым покрывалом, она четко указывала на то, что Моргунов все-таки не окончательно опустился на дно своего сознания.

Моргунов указал на стул, не занятый книгами. Сам присел на кровать и положил руки на колени.

– Живу один, – сразу обозначил он. – Поэтому я должен был удостовериться в том, что вы в самом деле тот, кем называетесь. Что вы не мошенник.

– Куда уж там, – прокряхтел Лев Иванович, усаживаясь на стул.

– При чем тут Алевтина Михайловна? – нетерпеливо спросил Моргунов. – И при чем здесь я?

– Третьего сентября она не вернулась вечером домой, – сообщил Гуров. – С тех пор о ней ничего не известно. Скажите, пожалуйста, Алексей Егорович, когда вы виделись с

ней в последний раз?

Пальцы рук Моргунова изобразили короткий странный танец: сначала он медленно распрямил их, а после так же неспешно вернул на свои колени. На лице его в этот момент застыло крайне тревожное выражение. Впрочем, оно не исчезало с того момента, как он открыл дверь, но сейчас проявилось особенно отчетливо.

– Не виделись сто лет, – не слишком уверенно ответил он. – Я это помню абсолютно точно. Я же еще в своем уме. Мы расстались в девяностом году, в Москве. В последний раз мы виделись здесь. Да.

Гуров не поверил. Заключительное «да» предназначалось не для него – казалось, таким образом Моргунов пытался убедить в сказанном не следователя, а себя. Ну или просто не смог вспомнить свою последнюю встречу с Голиковой и не хотел в этом признаваться. Увы, Гуров уже сталкивался с подобным. У некоторых людей память легко стирала, казалось бы, самые яркие воспоминания, оставляя вместо них лишь слабые намеки на реальные события в их прошлом. Обычно в этом был виноват именно возраст, а не травмы, которые приводили к потере памяти. Человек с ослабленными нейронными связями в головном мозге все еще «помнил» какие-то события, но четко обрисовать их уже не мог. Тогда, чтобы скрыть свое беспомыслие, он придумывал их и сам начинал в это верить.

– Подумайте еще раз, Алексей Егорович, – попросил Гу-

ров. – Тут важно не ошибиться. Мы ищем человека, и ваша помощь нам бы очень пригодилась.

– Я очень давно не видел Алевтину, – блеснул глазами Моргунов. – Вы думаете, что я говорю неправду?

– Нет, я так не думаю.

– Мы были коллегами, – уже тише и спокойнее произнес Моргунов. – Долго работали вместе и очень тесно общались. Но все осталось в прошлом.

– Дружили? Или?..

– Можно и так сказать, – уклонился от прямого ответа Моргунов. – В любом случае расстались мы по-хорошему.

– А как вы оба оказались за границей? Насколько я знаю, получить работу за рубежом мог далеко не каждый.

– Да я и сам не знаю, как так вышло. Отец привил мне интерес к изучению немецкого, потому что искренне считал владение иностранным языком чем-то вроде счастливого билета в будущее. Неожиданно я и сам увлекся. С тех пор дома прописались репетиторы. К окончанию школы я трещал как настоящий немец. Потом поступил в педагогический, чтобы преподавать немецкий язык в школе, но понял, что не хочу возиться с детьми. Вот честно. Хотелось чего-то... более значительного. Устроился в редакцию журнала «Наука и жизнь», где через переводы подгонял статьи из зарубежных изданий под наше восприятие, но в какой-то момент решительно уволился и поступил на курсы переводчиков. Просто так туда было не попасть, но меня приняли. Думаю, я просто

был хорош собой, – улыбнулся Моргунов. – А потом уже меня пригласили в Берлин. А Алевтина работала секретарем в Министерстве иностранных дел. Ее каким-то образом заметили, отправили на специальные курсы и предложили занять должность переводчика в посольстве. Но это был не блат – без отличного знания немецкого ее бы в Германию никто не пустил, а владела она им весьма неплохо. А вы знаете какой-то иностранный язык?

– Не моя тема, – улыбнулся Гуров.

– Зря, – приосанился Моргунов.

– Но уж как есть. Мы отвлеклись, Алексей Егорович.

– Послушайте меня, Лев Иванович. У меня плохая память на события и лица, но я точно знаю, что наша последняя встреча с Алевтиной произошла в Москве. Больше я ее не видел.

«Все в порядке у него с памятью, – не поверил Гуров. – Даже имя мое запомнил. И не псих, иначе бы уже что-то выкинул. Взгляд ясный, походка твердая. От него не несет мочой, а халат пахнет стиральным порошком. Он следит за собой. Хлам в коридоре тщательно выстроен вдоль стены, чтобы можно было спокойно передвигаться. В доме относительный порядок. Вон даже кровать застелена, а книги стоят ровными рядами, хоть и занимают половину пространства. Замокнут, не любит вторжения в свою жизнь. Таких, как он, тысячи за закрытыми дверями. Неужели действительно не видел Голикову сто лет? Может, и так. Но почему же то и дело

уводит разговор куда-то в сторону?»

Гуров позволил Моргунову говорить все, что он захочет. Пусть гнет свою линию дальше. В конце концов, он тут хозяин, а разговор толком и не начинался. «Посмотрим, проколешься ты или нет, – подумал Гуров. – Не факт, что вы виделись с Голиковой. Может быть, так оно и было. И не факт, что ты ее грохнул. Я даже про мотив ничего не знаю, и вообще был ли он у тебя? Но если все-таки Голикова встречалась с тобой третьего сентября, то почему ты упорно это скрываешь? Почему ты резко вспомнил про СССР? Или желаешь болтать о чем угодно, но только не о своей давней знакомой? А ведь ты только что узнал о том, что человек бесследно исчез. Или ты знал об этом раньше...»

Но Гуров ошибся. Моргунов заговорил не только о себе, но и об Алевтине.

– Нас познакомили в посольстве, едва я успел отойти от долгой дороги. Представьте мои восторги: после жесточайших проверок в КГБ и изматывающего обучения мне разрешили-таки покинуть родину. То есть дали доступ к другой жизни. К более яркой и свободной, как мне казалось. На тот момент Алевтина уже жила в ГДР несколько лет. Года два или что-то около того. Может, даже немного дольше. Она сразу взяла меня под свое крыло. В буквальном смысле даже не дала разобрать чемодан и потащила к себе в гости, угостила кофе с коньяком и подробно обо всем рассказала и расспросила. Наш дом был обычным блочным, он стоял рядом

с посольством, там в отдельных квартирах проживали наши соотечественники. Мы с Алей стали соседями, а в скором времени поняли, что стена, которая разделяла наши квартиры, смотрится лишней.

В Берлине для меня все было в новинку. Ходил, как дикарь, и всему удивлялся. Потом, конечно, привык. Аля меня многому научила. Знакомила с людьми, давала советы. Помогала, если возникали сложности. Если у меня не было работы, то брала в помощники. В общем, помогла приспособиться. Кстати, благодарю за то, что меня услышали.

– О чем это вы? – не понял сначала Гуров. – А, ясно. Вы просили не задавать вопросов, когда я зайду в квартиру. Вы об этом?

Моргунов благодушно улыбнулся. При этом кожа на его черепе натянулась, увеличив лоб и мгновенно превратив подозреваемого в убийстве типа, страдающего невнятным расстройством ментального спектра, во вполне себе добродушного на вид дедушку.

– Да-да, я именно об этом. Вы тактичны, Лев Иванович, а это очень ценное качество для сотрудника полиции. То, что вы наблюдали в коридоре и частично в моей комнате, может многое обо мне рассказать. Я как бы старьевщик. Скупаю у людей подержанные вещи, привожу в божеский вид и продаю их. Сейчас у меня завал, поэтому вокруг полно коробок, сумок и свертков, но вы не найдете там ничего подозрительного. А вот все эти книги, – он повел руками перед со-

бой, – совсем недавно принадлежали одному умному человеку. Только вот он умер после продолжительной болезни, а его библиотека оказалась никому не нужна. Ни его взрослой дочери, ни ее сыну-блогеру. Они продали мне ее за тысячу рублей. Я даже осматривать ничего не стал, хоть и считаю себя придирчивым человеком в этом плане. Заказал такси и в два захода вывез книги. Потихоньку разбираю вот...

Он вздохнул, снял очки и почесал левый глаз.

– Вот вы, наверное, думаете: «А какого черта он мне тут рассказывает про никому не нужные вещи?» Ведь я прав?

Гуров не выдержал, улыбнулся. Моргунов растянул губы в улыбке, показав прекрасно сделанные искусственные зубы.

– А дело в том, что если бы не Алевтина, то сегодня я бы, наверное, умер от голода. Это она привела меня в мир, покрытый вековой пылью. Именно так: вековой. Потому что во все времена находились люди, которые видели прелесть именно в подержанных вещах. Недаром скупщики и коллекционеры считались далеко не бедными людьми. Я, правда, совсем не роскошествую.

Алевтина очень ценила винтаж. Ее мало интересовали вещи, которые можно было купить в магазинах. Она говорила, что ей не хочется относиться к ним бережно, они будто неживые. Конечно, новый магнитофон выглядит модно и пользоваться им удобно, но он не идет ни в какое сравнение с патефоном в потертом кожаном чемоданчике. Совершенно разный внешний вид, а о функционале я уже и не говорю.

Что выбрать? Тут уже дело вкуса и привычки. Чаще выбирают что-то современное и удобное в использовании, но лично я остановлюсь возле старого патефона. Через мои руки таких древностей прошло около десятка, и каждый я продал за хорошие деньги. А кому, сможете догадаться? Коллекционерам. Это люди с отменным вкусом, они с уважением относятся к старинным вещам.

Но вернемся в Германию. Вскоре после того как я обосновался, Алевтина потащила меня на ярмарку. Название городка, где она проходила, я уже не вспомню, я там был всего лишь раз, но теперь, оглядываясь назад, понимаю, что именно в тот день моя жизнь начала меняться. На ярмарке продавали всё: от домашней сметаны до высушенных лечебных трав. Но были там и те, кто продавал разную всячину типа поношенной одежды, старой посуды и сломанных игрушек. Этим вещам было очень много лет. Их сделали еще до Второй мировой войны. Но встречались и вещи, возраст которых был более сотни лет. Меня это не интересовало, я прошел мимо, но Аля попросила меня вернуться и посоветовала присмотреться к тому, что было разложено перед продавцом. Ее внимание привлекли шелковые дамские перчатки. Когда-то они выглядели белоснежными, ими наверняка дорожили, за ними ухаживали. Но со временем жемчужный оттенок ткани как бы помутнел, а ткань возле швов вытерлась. Продавец назвал цену всего в десять марок, и Алевтина сразу же купила те перчатки. Я спросил ее: «И куда ты теперь

их денешь?» А она ответила: «Увидишь».

Вечером того же дня она сообщила, что нашла те перчатки в каком-то каталоге, там же было их описание. Оказалось, что перчатки с огромной долей вероятности могли принадлежать дочери короля Пруссии и императора Германии Вильгельма II. Вы только представьте! У него было семеро детей, но сначала на свет один за другим появились шесть мальчиков, а вот последним ребенком внезапно оказалась девочка. Назвали ее Виктория Луиза. А перчатки она получила от отца в качестве свадебного подарка. Не знаю, верить этому или нет, прямых доказательств я так и не нашел, оставив это дело профессиональным исследователям. Но мурашки, которые покрыли меня с ног до головы, когда я увидел фото в каталоге, возвращаются до сих пор. Кто бы тогда мог подумать, что спустя много лет интерес к никому не нужному хламу станет для меня куском хлеба?

Теперь Гуров уже не замечал беспорядка в комнате. После рассказа Моргунова он воспринимался как бесплатная выставка ценностей, которые только и ждали своего часа, чтобы оказаться в заботливых руках. Стены в комнате Моргунов также использовал в качестве витрин для экспонатов. Блеклые бежевые обои с неинтересным рисунком в мелкую коричневую крапинку покрывали всевозможные изображения, а от разнообразия обрамляющих их рамок могла закружиться голова. Небольшие законченные картины и карандашные наброски на клочках бумаги, немного фотографий и даже

эстампы не то чтобы сразу бросились в глаза, но сначала не привлекли внимания Гурова. Ну, висит там что-то в рамочке – и пусть себе висит дальше. Но теперь, погрузившись в историю, рассказанную Моргуновым, Лев Иванович осмотрелся более придирчиво и понял, что каждый свободный сантиметр в комнате занят чем-то пожившим, завернутым в газету или без какой-либо упаковки, пыльным, сломанным или находясь в разобранном виде. От всего этого зарябило в глазах, но Гуров быстро собрался и сосредоточился именно на живописи. Дело было в небольшом портрете, висевшем над изголовьем кровати. На нем была изображена красивая молодая женщина с короткими темными волосами. Эту улыбку Гуров уже видел.

– Красивая дама, – уважительно произнес он. – Ваша знакомая?

Моргунов помедлил, затем надел очки и обратил взгляд на портрет.

– Я уже и не помню. Или не знаю. Кажется, эту картинку я купил на Арбате. Там уличные художники часто продают свои работы.

– Да, там можно найти настоящие шедевры, – эхом откликнулся Гуров.

Моргунов с трудом поднялся с кровати.

– Могу я вам чем-то еще помочь? – вежливо поинтересовался Моргунов. – Какие еще у вас будут вопросы?

Лев Иванович встал и подвинул стул к окну, где он был

раньше.

– Что ж, если вы долгое время не общались с Алевтиной Михайловной, то они отпадают сами собой, – вздохнул Гуров. – Но один я все-таки задам. Где вы были третьего сентября? Сможете вспомнить?

– Это легко, – не задумываясь, ответил Моргунов. – Я был в больнице. Сердце. Забрали на «Скорой» в семь утра. Пробыл там с вечера второго до утра четвертого сентября. Вы очень кстати напомнили про это. Мне нужно принять лекарство. Так что, если вы не против, будем прощаться.

Гуров сел в машину, припаркованную возле подъезда, вынул из бардачка сигареты и бутылку воды. Сентябрь все еще радовал изумительной погодой, но сегодня было особенно жарко. Вода оказалась теплой, и Лев Иванович сморщился, сделав глоток.

Уезжать он не собирался. На сегодня дел у него больше не было. После встречи с Моргуновым осталось столько вопросов, что хоть вешайся. Старик оказался изворотливым, как змея. Секретов у него было предостаточно.

Тут как тут нарисовался генерал-майор Орлов. Увидев на экране знакомый номер, Гуров вышел из машины и поднес мобильный телефон к уху.

– Как там дела? – поинтересовался Орлов.

– Бывало и лучше, – признался Гуров. – Только что вышел от Моргунова. Пяти минут не прошло.

– Обнаружил что-то интересное?

– Думаю, да. Он быстро взял инициативу в руки, а я не стал сопротивляться. Рассказал мне о своей жизни в Германии и даже вспомнил про свои отношения с Голиковой. В общем, сделал все, чтобы предупредить мой интерес. В день ее исчезновения был в больнице. В последний раз видел Голикову еще в Берлине.

– Полагаешь, он что-то скрывает?

– Полагаю? – усмехнулся Гуров. – Да он делает все для того, чтобы избежать вопросов о своей знакомой. Не сомневаюсь, что он действительно был госпитализирован. Скорее всего, это правда. И то, о чем он мне рассказывал про свое прошлое, тоже не вызывает сомнений. Но о Голиковой он вспоминал только тогда, когда хотел, а не тогда, когда это было нужно мне. Кстати, зарабатывает на жизнь сбытом подержанного хлама. У него вся квартира уставлена старыми вещами, какими-то сумками и тонной книг. Сказал, что Голикова с молодости испытывала интерес к древним девайсам и могла с первого взгляда обнаружить в куче мусора ценную вещь. А вот ее квартиранты ни о чем таком не упоминали. Получается, что оставила свое хобби.

– Но не забыла о нем, – сказал генерал-майор. – Крячко пообщался с девушкой, которая брала у Голиковой частные уроки. И Голикова сама ей описывала свою жизнь в Германии, рассказывала о берлинских музеях, восхищалась архитектурой. Интерес к этому у нее не пропал. В частности, она несколько раз отмечала, что невзрачные предметы, которые

обычно выносят на помойку, могут дорого стоить – был бы, как говорится, вкус.

– И на этом фоне она могла поддерживать отношения с Моргуновым, – предположил Гуров. – Только вот он отрицает этот факт.

– Поговори с соседями, – предложил Орлов. – Если я правильно понял, то ты ведь еще не уехал? Поболтай с бабками возле подъезда, подлови кого-нибудь. Не мне тебя учить, Гуров. Действуй.

За спиной Льва Ивановича раздался смех. Он обернулся – на детской площадке беззаботно резвилось некоторое количество детей. Тут же, в тенёчке, сидели на лавочке и обмахивались газетками несколько молодых женщин.

– Полина! Не подходи к качелям! – внезапно подорвалась одна из них и даже привстала со своего места. – Не мешай другим, пусть покачаются!

– Чего молчишь? – из трубки раздался нетерпеливый голос Орлова.

– Так точно, – произнес Гуров в трубку. – Пойду отрабатывать жилой сектор. После отчитаюсь, Петр Николаевич.

За его спиной открылась подъездная дверь. В проеме показалась детская коляска, которую одной рукой толкала перед собой совсем юная девушка в спортивном костюме. На другой руке у нее висел весьма упитанный малыш, похожий на яичный желток – уж очень солнечно выглядел яркий детский костюмчик.

Гуров бросился вперед и придержал дверь открытой, пока мать выкатывала на улицу самое первое в жизни ребенка транспортное средство. Девушка поблагодарила и принялась устраивать в ней ребенка.

– Спасибо вам большое, – выдохнула она, распрямившись. – А то бы я ее уронила.

– Коляску?

– И дочку.

– И как ее зовут?

– Даша.

Девушка взялась за ручку коляски, но осталась стоять на месте.

– А вы ведь только что были у Алексея Егоровича? – спросила она.

– Совершенно верно, – удивился Гуров. – Ваш знакомый?

– Мы соседи. Двери у нас рядом. А вы его сын?

– Коллега, – ответил Гуров.

– Вы не подумайте, я не подслушивала, – смутилась девушка. – Просто у нас дурацкая входная дверь. Мне слышно всё, что происходит на лестничной площадке. Мы уже привыкли, но иногда бывает что-то очень громкое. Просто надо поменять дверь, но все никак руки не дойдут. Я слышала, что к Алексею Егоровичу кто-то пришел, а сейчас узнала вас по голосу. И я подумала, что к Алексею Егоровичу приехал кто-то из родственников. Ну а вдруг? Просто он один живет, почти ни с кем не общается. Человек пожилой, всякое может

случиться. А он ведь очень хороший. Когда я еще в школе училась, то подарил мне несколько книг на немецком языке. Ему моя мама рассказала, что я немецкий в школе изучаю. А он потом просто пришел и подарил.

– Жаль вас разочаровывать, но мы не родственники, – улыбнулся Гуров. – И извините, если вас побеспокоили.

– Ерунда. Вы хотя бы не шумели. Недавно к нему тоже приходили. Вот тогда было действительно громко. Но там была женщина, которая сильно ругалась.

– Да что вы? – притворно изумился Гуров.

– Она так кричала, что даже Дашка проснулась. – Девушка сочувственно взглянула на дочку. – Если вы с Алексеем Егоровичем коллеги, то навещали бы его почаще, что ли. Ему бы не помешало внимание. Когда я собираюсь в магазин, то всегда захожу к нему и предлагаю купить что-то нужное. Иногда он соглашается, но чаще всего заказывает что-то совсем дешевое. Например, хлеб или макароны. Но иногда даже мне дверь не открывает. На улицу он выходит очень редко. Уже и не припомню, когда видела его во дворе. Он приходил в скверик за домом, сидел возле клумбы. Там у нас тихо, дети не орут, даже фонтанчик есть. Алексей Егорович всегда был там один. По-моему, у него вообще никого нет. Ни знакомых, ни приятелей. Но возможно, вы не знали, что у него всё вот так, невесело. Просто не оставляйте его. Извините еще раз. Может, я лезу не в свое дело, но Алексей Егорович все-таки мне не чужой. Вот после того скандала он провел

три дня в больнице.

– Сердечный приступ, да. Он поделился.

– И со мной поделился, когда мы в лифте столкнулись. А если бы не сказал, то я бы и не узнала. Никто бы не узнал.

– У вас очень доброе сердце, – искренне сказал Гуров. – Таких соседей сейчас еще поискать. Но вы что-то сказали про женщину. Может быть, это и был кто-то из его семьи? Приехала родня и они что-то не поделили?

– Я не знаю, кто это был, – призналась девушка. – Та женщина что-то кричала о долгах. Наверное, все в доме ее слышали. Причем Алексей Егорович в этот момент был в своей квартире и, кажется, что-то ей отвечал через закрытую дверь.

– Если о долгах напоминают повышенным тоном, то дело серьезное, – согласился Гуров. – А ту женщину вы раньше не встречали? Не может быть такого, что она уже приходила к Алексею Егоровичу?

– Если она и приходила, то очень редко. Но я ее в принципе не видела. Даже в глазок не посмотрела. Только слышала, как она кричала, что он ей должен. А он в ответ: «Успокойся, Галя!»

«Галя. Аля. Алевтина, – сложилось в голове Гурова. – Поздравляю вас соврамши, Алексей Егорович».

Малышка заворочалась в коляске. Молодая мамочка нырнула к ней, пошарила рукой под подушечкой, достала откуда-то розовую погремушку и вручила ее дочке.

– Мы пойдем, ладно? А то она плакать начнет.

– Конечно. Спасибо вам, – поблагодарил Гуров.

– И вам спасибо. Помогли мне эту бандуру из подъезда вытащить.

Гуров задрал голову и посмотрел на окна.

– Вернусь-ка я обратно и попробую разговорить Алексея Егоровича, – пробормотал он. – А то он ни слова о своих проблемах не сказал. А я думал, что у него все в порядке. Во всяком случае, у меня создалось именно такое впечатление.

– Я вас понимаю, – кивнула девушка. – Не обижайтесь на него, если не пустит вас в квартиру. С ним такое случается.

– Меня наверняка пустит.

– Только не говорите ему, что это я вас к нему отправила, – тихо проговорила девушка. – Пожалуйста.

– Обещаю. А когда именно к Алексею Егоровичу приходила та самая скандалистка?

– Второго сентября. Я почему запомнила? У мужа день рождения был. Гости тоже всё слышали. Даже пообещали скинуться нам на новую входную дверь.

Понимания и доброй улыбки от Моргунова Гуров не ждал и заранее приготовился услышать все, что о нем думают. Позвонив в дверь и услышав в квартире шаги Моргунова, решил, что и на этот раз тот станет его мариновать у порога, пытаясь узнать причину повторного визита. Но Моргунов снова удивил. Он не ударился в полемику и сразу же открыл дверь. Теперь он опирался на толстую деревянную трость.

Пристально посмотрев в глаза Льва Ивановича, Моргунов произнес смертельно усталым голосом:

– Я знал, что вы вернетесь. Проходите, Лев Иванович. Дорогу вы уже знаете.

Глава 4

Гуров пересек комнату, старательно обходя шаткие книжные башенки, и остановился, встав спиной к окну. Моргунов, зашедший следом, попросил стул и, болезненно морщась, наконец уселся, опираясь на трость. Наблюдая за его страданиями, Гуров вспомнил, что час назад он не выглядел так плохо и передвигался более уверенно.

– Ноги. Иногда ничего, а иногда совсем плохо.

– Может быть, врача? – спросил Гуров.

– Лишнее, – отказался Моргунов.

– Почему вы сказали неправду, Алексей Егорович?

Моргунов установил трость меж коленей и ухватился за нее длинными белыми пальцами.

– Я не знаю, кто вам рассказал про Алевтину. Думаю, кто-то из жильцов нашего дома. Она так громко заявила о себе, что ее не могли не услышать. Я тогда еще подумал, что люди могут вызвать полицию. Аля такой раньше не была.

– Почему вы скрыли ее визит?

Моргунов вскинул голову и прикрыл глаза от солнечного света.

– Будьте добры, задерните занавеску, – раздраженно попросил он.

Гуров выполнил просьбу. В комнате мгновенно наступил полумрак.

– Когда вы пришли, то называли ее имя. Я решил, что она на меня написала заявление. А потом вы сказали, что она в розыске. Я струсил.

– Даже так? Чем же вы ей насолили, если думали, что она нажаловалась на вас в полицию?

– Я объясню. Только вы уж, пожалуйста, выслушайте меня до конца.

Моргунов с минуту помолчал.

– Тогда, в посольстве, мы сошлись на фоне любви к историческим ценностям. Прекрасное было время. Мы бродили по немецким деревенькам, часто посещали ярмарки и барахолки. Алевтина не хотела ничего упустить и таскала меня по неведомым маршрутам, и рассказывала, рассказывала... Когда я всерьез увлекся поиском старинных вещей, она познакомила меня с местными барахольщиками. Эти люди не считали себя ценителями прекрасного. Они скорее разыскивали сокровища по заказу. Захотел какой-нибудь зажиточный бюргер обставить свой дом, как на картинке из учебника истории, и барахольщики начинали разыскивать для него подсвечники, посуду, мебель, украшения. Что-то из найденного и выкупленного, что по какой-то причине не соответствовало запросам заказчика, после продавалось на небольших аукционах либо оседало на базарах. Эти предметы кочевали из рук в руки, и только настоящий знаток мог угадать их истинную цену. Алевтина была одним из них. То, что я покупал, изначально меня не интересовывало, но она все-

гда обращала мое внимание на самые невзрачные предметы. Стоимость их была очень низкой. Я не собирался наживать-ся на этом, вовсе нет. Все купленное я оставлял себе. И равные молитвенники, и простенькие украшения. Постепенно набралась приличная коллекция.

– Алевтина Михайловна тоже приобретала что-то для себя?

– Как раз таки нет. Аля была охотницей. Как только вещь попадала ей в руки, она теряла к ней интерес. Сами понимаете, что на родину просто так я это вывезти не мог. Аля помогла мне это сделать, когда я окончательно покинул ГДР. Мы ехали на поезде вместе. Она ехала в Москву навестить родных, а после должна была вернуться обратно, в Берлин. Мы поехали в одном купе, и Алевтина оформила мою коллекцию на себя. Тут был хитрый расчет: я-то покидал страну насовсем, а Алевтина должна была вернуться. Мы надеялись на то, что переводчицу из посольства СССР не будут проверять особо тщательно. И у нас все получилось.

Два дня перед ее отъездом мы ходили, держась за руки. Понимали, что жизнь нас разводит, как мосты в Ленинграде. Аля тогда взяла с меня слово, что тот винтаж, который она помогла протащить через несколько государственных границ, я оставлю у себя в любом случае. На память о нас. Это был наш последний вечер. Она повела меня в ресторан «Прага», где мы сидели до самой ночи. Потом были Арбат, такси и Белорусский вокзал с улетающим в потолок храпом пас-

сажиров, уставших бодрствовать в ожидании своего поезда. Тогда она ни на что не претендовала. Мы вообще тогда ни о каких ценностях не думали, потому что целое, в которое мы с Алей срослись за несколько лет, раскололось на две половинки с неровными и очень острыми краями. Все было понятно без слов.

Это был апрель одна тысяча девяностого года. Год, когда я остался один. Еще через год похоронил мать, а еще через два не стало и отца. Алевтине я несколько раз написал, но не получил ответа. Это была, знаете... такая детская попытка снова поверить в чудо. Но лишь с моей стороны.

Сколько же лет прошло?.. Я работал в бюро переводов, иногда ходил к ученикам на дом. Пытался построить отношения, но обнаружил, что лично мне быть одному намного комфортнее. Страна стремительно менялась, а я старел. Однажды понял, что на одной зарплате далеко не уеду, и вспомнил про немецкие покупки. Через знакомых вышел на собирателей всякой всячины, чтобы посмотрели на коллекцию. Более знающих людей не искал специально, поскольку думал, что винтаж из Германии вряд ли заинтересует профессионалов. Ну, что там было у меня ценного? Если и было, то только для меня.

Но совершенно неожиданно коллекция вызвала интерес. «Прямо из самой Германии? Серьезно?! И вы вывезли это контрабандой?» Примерно так реагировали, увидев мои «богатства». Тогда я понял, что эти вещи в самом деле име-

ют определенную ценность.

– А раньше не догадывались? – усмехнулся Гуров. – Говорите же, что у Алевтины Михайловны был отменный нюх на редкости. Это же она собрала всю коллекцию?

– Не всю, – покачал головой Моргунов. – Только ее начало. В самой коллекции было около тридцати экспонатов. Большую часть предметов нашел уже я – самостоятельно.

– О! Прошу прощения, – вскинул руку Гуров. – Продолжайте, пожалуйста. Минуту. А можно взглянуть? У вас что-то осталось?

– Все было продано. Ничего нет. Не оставил себе ни капли, – холодно ответил Моргунов. – За каждый лот предлагали хорошие деньги. Даже за глиняную фигурку лошади, у которой откололась половина морды. Просто когда-то забыл ее выбросить, отставил в сторону, а оно вон как вышло.

– Что же такого волшебного было во всех этих вещах?

– Душа. Ими пользовались и передавали из рук в руки. Их эксклюзивность. Неповторимость. Оригинальность. Позже мне сообщили, что глиняной лошадке двести с лишним лет. Это не шутки, была проведена официальная экспертиза. Вспомните перчатки с блошиного рынка, там та же история.

– Их держал в руках сам король Пруссии, – ответил Гуров. – Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. А что же Алевтина Михайловна? Она как-то узнала о том, что вы избавились от коллекции?

– Узнала. Несколько дней назад. После Германии это была

наша первая встреча.

Мы случайно столкнулись в сквере за моим домом. Раньше я постоянно там торчал, но сейчас из-за больных ног выхожу на прогулку редко. И вот кто бы мог подумать, что мы с ней встретимся именно там?

Она подошла, села рядом на лавочку. Я краем глаза смог распознать только яркое малиновое пятно. А пятно вдруг «заговорило». «Алеша, это ты?» Я не узнал ее сначала. Она поправилась, подурнела. Даже смотреть на нее было неловко, но через минуту все прошло.

Разговаривали долго. Она еще несколько лет прожила в Германии, потом работала то тут, то там. В основном помогала всяким важным лицам проводить переговоры. Ездил с ними по миру, подолгу жила в их домах, становилась чуть ли не членом семьи. Но в какой-то момент твердо решила, что с нее хватит, и вернулась в Россию.

Она сама напросилась в гости. Оказать ей было невозможно, даже если сильно захотеть, – Аля всегда брала то, что ей нужно, не особенно интересуясь желаниями других людей. Это особенно сильно ощущалось, когда мы еще работали в Берлине. Если я в чем-то сомневался, то она не боялась ничего. Очарование, бесстрашие, упорство. Благодаря этим трем «китам» она и смогла вывезти ценности из Германии в Советский Союз. Сам бы я не решился.

По пути сюда мы с Алей зашли в магазин, где она купила вино и немного еды. Ей хотелось отметить встречу. Я обра-

тил внимание на то, что цены ее не волновали. Она выбрала самое дорогое вино. С финансами у нее был полный порядок.

Ну а дома у меня, как вы видите, царит и властвует творческий беспорядок. Но ее это не смутило. Здесь же была ее стихия. Она шла по коридору и указывала пальцем: «Это надо выбросить. И это туда же. Ты меня понял? Так и сделай. А вот на эту тумбочку найдется покупатель, сейчас такие в моде». Ну и так далее. Она изменилась только внешне, но в душе все еще оставалась той еще атаманшей.

Мы выпили, поговорили. В какой-то момент я понял, что Алевтина опьянела. Внешних признаков не было, но изменился тон разговора. Она вспомнила про нашу коллекцию и попросила ее показать. Мне пришлось признаться, что я ее продал. Это Алевтине очень не понравилось. Да и я завелся от ее упреков.

То, что случилось после, вывело меня из себя. Она потребовала свою долю с продажи. Заявила, что я ей всем обязан, а она не получила ни копейки. Лев Иванович, вот ответьте честно, я произвожу впечатление лживого или злого человека?

– Я вас практически не знаю, – ответил Гуров. – И что же было дальше?

– Спасибо за честный ответ, – слегка поклонился Моргунов. – Поясню: я ненавижу изворотливых людей. Стараюсь не иметь с такими индивидуумами никаких общих дел, даже

если будут предлагать миллионы. И вдруг Алевтина обвинила меня во лжи! Заявила, что я просто не хочу с ней делиться выручкой.

Голова Моргунова начала мелко подрагивать. Пальцы двигались по трости вверх и вниз, словно нащупывали невидимые струны.

– Денег у меня, разумеется, давно не было. Я тратил их сразу же после продажи каждого экспоната. Мы расстались, если вы помните! Я писал ей, но не получал ответа. И теперь она требует с меня какие-то деньги? За что? Не было такого уговора.

Я попросил ее уйти. Вежливо, но настойчиво. Проводил до двери. По пути она нарочно сбросила со стеллажа шкатулку, которую я недавно приобрел. Красивая вещица с клеймом мастера из Оксфордшира. И это, мать твою, предположительно восемнадцатый век!

«Ёшкин кот! – мысленно восхитился Гуров, наблюдая за разбушевавшимся дедом. – Да он реально одержим всей этой древностью. Это ж самый настоящий медицинский диагноз. Представляю, как он гнал отсюда Голикову. Теперь понятно, почему она ругалась с ним даже через закрытую дверь».

Моргунов постепенно успокаивался. Он провел рукой по волосам и глубоко вздохнул.

– Остальное вы уже знаете, – выровняв дыхание, продолжил он. – Алевтина просто так не ушла. Сначала вытянула из меня душу. Я отвечал ей, просил уйти, оставить меня в

покое, не позориться. Все было бесполезно. Она бушевала на лестничной площадке минут пять. Бедные соседи.

На другой день у меня прихватило сердце. Вызвал «Скорую», отвезли в больницу. Долго я там лежать не стал и сам попросился на выписку. Слава богу, операция оказалась не нужна. Просто возраст и стресс. Теперь вот на таблетках.

– Может быть, принять сейчас парочку? – предложил Гуров. – Как вы себя чувствуете?

Моргунов улыбнулся впервые за время своего рассказа:

– Спасибо, Лев Иванович, не нужно. Я контролирую свое состояние.

Гуров присел на край кровати.

– Алексей Егорович, получается, что вы просто боялись Алевтину Михайловну? Думали, что она натравила на вас полицию?

– Именно так. Я об этом рассказал вам в самом начале. И она обещала вернуться.

– А могла?

– Я был в больнице, если вы помните. Если она и приходила, то я об этом ничего не знаю. Мне нечего скрывать, Лев Иванович. Я все вам рассказал.

– Но если вам нечего скрывать, то почему вы так испугались, когда я пришел к вам в первый раз?

– Если вы думаете, что я занимаюсь чем-то незаконным, то очень ошибаетесь, Лев Иванович, – расправил плечи Моргунов. – Все, что вы здесь видите, приобретено честным пу-

тем. Я просто просматриваю объявления о продаже подержанных вещей и иногда выбираюсь в выселенные дома, готовые к сносу. Мне трудно передвигаться, но, как я уже сказал, бывают дни, когда я чувствую себя более-менее хорошо. Поэтому такие вылазки приносят мне удовольствие и удовлетворение. Народ выбрасывает разные сокровища. Я же их подбираю и даю вторую, а то и третью жизнь. А про Алевтину могу сказать следующее. Из красивой и умной женщины она превратилась в злобную старуху. Она могла обвинить меня черт-те в чем, и, поверьте, полиция повелась бы на ее ложь. Конечно, от меня бы отстали, но нервы бы потрепали знатно. Вы сказали, что она пропала?

– Да, третьего сентября.

– Она была у меня второго числа. А третьего я попал в больницу. Полагаю, сердце забарахлило именно из-за того, что Алевтина устроила у меня дома.

Гуров поднялся, одернул брюки. Моргунов попал в больницу в семь утра, а Голикова лишь в одиннадцать часов утра вышла из дома и села за руль своей машины. «Вот оно где, алиби, – подумал Гуров. – Осталось проверить список госпитализированных в кардиологию от третьего сентября».

– Вы не знаете, куда могла запропасться Голикова? – спросил он.

Моргунов тоже решил принять вертикальное положение и сделал это достаточно бодро.

– Я понятия не имею, Лев Иванович. О своей нынешней

жизни она мало рассказывала. Только про то, что сдает комнату, и про частные уроки. Но теперь вы знаете, какой у нее был характер. Когда мы покупали вино в том магазине, она при мне успела поругаться с кассиром. Он пробил чек на другую сумму. Оказалось, что кто-то перепутал ценники. Неприятно, но не смертельно, правда? Но Алевтине так не показалось. Она оскорбила парня за кассой, назвав его тупым. Но ведь его вины не было, согласитесь? Я постарался об этом забыть, ведь мы так давно не виделись. Но я вот о чем подумал. Если Аля с такой легкостью идет на конфликт, то, может быть, кто-то не захотел с этим мириться? Ведь не все, как я или тот кассир, будут терпеть хамство?

– Что вы имеете в виду? – напрягся Гуров.

– Просто предполагаю, Лев Иванович, – пробормотал Моргунов. – Вам виднее. Пусть ее найдут. Больше мне нечего вам рассказать.

Гуров медленно пошел к выходу в коридор, внимательно рассматривая все, что попадалось по пути. Взгляд упал на бархатный футляр продолговатой формы. Что хранили в этой штуке раньше? Браслет? Наручные часы? Золотую ложку?

Да всё, что могло туда поместиться.

«А вдруг Голикова завелась не просто так? – В голове Гурова будто включился маленький моторчик. – Ведь это она помогла Моргунову перевезти предметы, стоимость которых потом удивила даже его. Значит, вещи представляли цен-

ность не только для любителей старины, и Голикова была в курсе их стоимости. Однако она ничего не требует взамен, кроме как дать ей обещание не избавляться от коллекции. Что это? Та самая настоящая любовь?»

Задумавшись, Гуров застыл на месте, стоя спиной к Моргунову. Переводчик ждал от него какой-то реакции, но ее не было.

– Лев Иванович? – позвал Моргунов.

«Как ни крути, а все-таки это была контрабанда, которую, не зная того, покрывало советское консульство. Простая переводчица не могла бы проверить это в одиночку. Был кто-то еще, кто помог с оформлением документов на вывоз коллекции. Оба-на. И где же его теперь искать?»

Гуров взял в руки футляр и попытался открыть. Крышка не поддавалась.

– Вижу, вам понравилась эта коробочка. Там замочек с секретом, – объяснил Моргунов. – Справа маленький гвоздик, который нужно потянуть в сторону. Именно он держит футляр закрытым. В таких раньше хранили сигары. Конкретно этот мне посчастливилось приобрести почти даром.

Гуров положил футляр на место и повернулся к Моргунову.

– Вы действительно избавились от всех предметов, которые привезли из Германии? – спросил он.

– Да, я распродал все.

– А фото не делали?

– Совершенно верно, фотографии где-то были, но я, боюсь, быстро их не найду.

Гуров решительно обвел взглядом комнату.

– Мне очень нужны эти фотографии, Алексей Егорович. И как можно быстрее. Готов помочь в поисках прямо сейчас.

Анатолий Ильич Бобровский был знаком с Гуровым десять лет. Сошлись они на фоне расследования одного из самых запутанных преступлений в практике молодого тогда Льва Ивановича. За сутки в реставрационной мастерской случилось два происшествия: кража полотна кисти Малевича и скоропостижная смерть уборщицы там же, на ее рабочем месте. Украденное полотно Малевича нашлось в ее подсобке. Искусствовед Бобровский был откомандирован на Петровку из Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в качестве консультанта. Благодаря ему удалось выйти на целый преступный синдикат, где с подлинников делались копии отличного качества с целью последующей перепродажи оригиналов в частные загрёбущие руки. Именно приглашенный консультант опроверг причастность уборщицы к краже, отмыл ее честное имя и заподозрил одного из реставраторов в преступном заговоре, едва взглянув на его наручные часы, которые стоили целое состояние. Сами мошенники не имели никакого отношения к смерти уборщицы. Рано или поздно она скончалась бы и без их помощи, так как в своей голове носила бомбу замедленного действия в виде аневризмы.

Тогда Гуров и Бобровский быстро нашли общий язык. Между ними обнаружилось много общего. Они оказались ровесниками, родились в одном районе Москвы и даже женились в одном и том же году. А когда Бобровский сообщил, что его жену зовут Мария, а трудится она ассистентом режиссера, то Гуров от души рассмеялся. Некоторые совпадающие привычки и черты характера подтвердили родство душ. С тех пор Лев Иванович не только обращался к Бобровскому за советом или помощью, но и неоднократно бывал у него на даче, пару раз прихватив туда Стаса с его супругой.

Сегодня Анатолий Ильич трудился все в том же Пушкинском музее, где читал лекции, исследовал предметы искусства и изредка проводил выставки. После развода жил один, все так же предпочитая много времени проводить на даче. Туда же позвал и Льва Ивановича, которому срочно потребовалась консультация.

Он приехал на дачу к Бобровскому уже в сумерках. Бобровский встретил его, выйдя на середину широкой дороги, пролегающей под окнами его двухэтажной дачки из соснового бруса с пристроенной к ней просторной верандой.

Гуров приветственно гуднул и завернул на подъездную дорожку.

- Давно не виделись, Толяннич.
- Да я-то всё тут, а вот ты где был?
- Работал, Толь. И сейчас работаю.
- Останешься на ночь?

Вместо ответа Гуров указал на багажник и многозначительно улыбнулся.

– Но пить будем в доме, а то скоро дождь обещали, – предупредил Бобровский.

– И шашлыки не успеем сделать?

– Обижает. Уже и мясо замариновал. А погода не проблема, просто сядем на веранде.

Прогноз не обманул – дождь зарядил через полтора часа, принеся с собой прохладный ветер. Потягивая пиво, Гуров с тоской думал о том, что завтра рано утром ему предстоит насмерть сражаться с автомобильными пробками, чтобы вовремя успеть на работу.

– Показывай свои фотографии, – попросил Бобровский, в очередной раз перевернув шампур с мясом на мангале. – И еще раз: что от меня нужно? Оценка?

– Нужно определить примерную стоимость каждого предмета, – пояснил Гуров, раскладывая фотографии на столе. – Снимки делали очень давно, качество тут не очень. Но уж что есть.

– Посмотрим, посмотрим...

Бобровский взял в руки фотографии. Первую рассматривал совсем недолго, на второй тоже не задержался. Было видно, что с каждым снимком его интерес к увиденному пропал все больше.

– Ну, что я могу сказать, Гуров? Ничего интересного. Поэтому и цену не назову.

– То есть все вот это просто можно отправить в мусорное ведро?

– Ну, сам посмотри. – Бобровский вытащил из середины пачки случайную фотографию и протянул ее Льву Ивановичу: – Это обычная кукла с фарфоровой головой и телом, набитым, скорее всего, ватой плохого качества, а то и какими-нибудь тряпками. Такие тоннами изготавливались в начале прошлого века. И в России тоже такие делали. Сначала они были дорогими именно из-за фарфора, но потом, когда по миру прокатились всевозможные войны, всем вообще стало на них плевать. Позже, уже в мирное время, на смену пришли более дешевые синтетические материалы, из которых можно было отливать изделие целиком. Скажу проще – все дело в количестве подобных кукол, а также в социальном статусе тех, кто их в основном покупал. Напомню, что таких в свое время сделали очень много. Они не редкость. Но есть и те, кто не вникает во все это. Им кажется, что чем древнее вещь, тем она дороже. Или вот эта тарелка, – он положил перед Гуровым другую фотографию. – Это не украшение интерьера, ею пользовались по прямому назначению. Тут даже видно, что поверхность поцарапана ножом или вилкой. Состояние довольно плохое. Вещь редкая, но не представляет особой ценности. Что там у тебя еще было? Браслет из бисера, вот он. Ну, тут просто слов нет.

– Я понял, – оборвал его Гуров. – Значит, ничего ценного ты не увидел.

– Ничего из того, что должно храниться под семью печатями и стóбить, как крыло самолета, – ответил Бобровский и сложил фотографии стопкой. – Что это за набор? Откуда у тебя эта галерея?

– Шашлыки, – напомнил Гуров.

– Ох, точно.

Бобровский умел и любил заниматься шашлыками, начиная от выбора мяса непременно на рынке и заканчивая торжественным водружением готовых шашлыков на блюдо в центре стола. Он знал десятки рецептов маринадов – шашлыки всегда получались отменными.

– Налетай, – скомандовал Бобровский, снимая мясо с шампура прямо в тарелку Льва Ивановича. – И все-таки, Гуров? Расскажешь про фотографии?

– Ты меня удивил, – признался Гуров. – Бывший владелец этой коллекции уверил меня в том, что продал каждый предмет за хорошие деньги. Он их насобирал в ГДР, пока работал в советском посольстве переводчиком в восьмидесятые.

– А продал он все это там же, в Германии?

– Да нет, уже в Москве. Видишь ли, ему помогали все это покупать. Его пассия, тоже переводчица. Находила что-то редкое и ценное, а мужик это покупал. Потом она же помогла ему вывезти это из Германии в СССР. Он утверждает, что все это барахло она записала на себя.

– Странная история, – задумался Бобровский. – Во время восьмидесятых этот хлам продавался в Германии на каждом

углу. Жили небогато, вот и торговали всякой ерундой. Извини, но ни одного раритета на фотографиях я не увидел.

– А может быть так, что ты просто не в курсе? – Гуров решил поддеть друга. – Как там говорят? Не твоя специализация, вот.

– Это у меня-то? – рассмеялся Бобровский. – Верь мне, Гуров. Я бы не стал тебе пудрить мозги. А вот этого типа, похоже, обманули.

– Его фамилия Моргунов, – уточнил Гуров. – Он по сей день живет своими увлечениями. Вся квартира похожа на склад ненужных вещей, но он утверждает, что всё это вызовет интерес у настоящих ценителей прекрасного, а дилетант пройдет мимо.

Бобровский подошел к перилам, подставил руку под струи дождя.

– А покупал он это, наверное, на развалах? – спросил он.

– На фермерских рынках, на блошиных. Говорит, там было много базарчиков. Иногда встречались действительно ценные вещи.

– Вот в том, что случайно можно было наткнуться на настоящее сокровище, я не сомневаюсь. – Бобровский вытер руку о штанину и сделал мощный глоток пива прямо из бутылки. – В то время очень много действительно ценных вещей обнаруживалось то у кого-нибудь на чердаке, то в маленьких музеях за рубежом, то в частных коллекциях. Иногда люди даже не помнили, как это к ним попало. Очень

многое было украдено или уничтожено. Концов теперь не найдешь. Ты, кстати, слышал про таинственный автопортрет Санти? Очень показательный пример.

– Санти Рафаэль? Тот, который написал Сикстинскую мадонну?

– Он самый. Кстати, она с середины восемнадцатого века находится именно в Германии, в славном городе Дрездене. Совпадение?

Бобровский довольно улыбнулся, поиграл бровями и снова отпил пива из бутылки.

– Да ну брось, – поморщился Гуров.

– И все-таки есть в этом какая-то мистика, – мечтательно произнес Бобровский. – А история интересная. Только случилось это в наши дни. Говоришь, Моргунов находился в ГДР в восьмидесятые? Примерно в то же время под Берлином случилась трагедия: в своем доме во время пожара погиб известный коллекционер и антиквар, эксперт и меценат Вилле Шеффер. Иногда его называли Вилле, но он, кажется, не возражал. Выходец из обычной крестьянской семьи, поднявшийся на торговле туалетным мылом, которое научился варить сам, и благодаря знакомству с дочкой замминистра, имя которой все быстро забыли. В течение своей уже роскошной жизни всяко демонстрировал близость к простому люду, но тем не менее на обед никого из обычных граждан не приглашал. Постоянно общался с красивыми женщинами, рядом всегда крутилась какая-нибудь новая красотка.

Многие из них потом становились актрисами или певицами. То есть он их содержал и после расставания. Жил он в Восточном Берлине, а вот офис устроил в Западном, где была совсем другая жизнь. Ходили слухи, что Вилле даже основал там некое печатное издание, где публиковались фотографии раздетых красавиц. Шеффер косил под Хеффнера. Понял, о чем я? Ладно, не напрягайся. Сведения, если что, неточные. Но это я так, для полноты образа, чтобы ты понимал, что дядька был ой как непрост.

Его смерть окутана мрачной тайной. Я не шучу, Гуров, так оно и было. Говорили, Шеффер любил выпить. Ну и попал на этом фоне. Вроде бы был пьян, упал и ударился головой, что-то уронил, что-то вспыхнуло. Короче, устроил он ночью в своем доме пожар. Жил он один, помощники по хозяйству на ночь расходились по домам, и Шеффер оставался один до утра. Когда все загорелось, он, скорее всего, не успел позвать на помощь, а там кто его знает. Полиция дальше не пошла. Дом сгорел, похоронив под обломками пьяного Шеффера, но сам он оставил после себя исключительно добрую память. При жизни он тесно сотрудничал с консульством СССР в ГДР и вроде бы планировал наладить выставочный обмен между странами. По горькому стечению обстоятельств накануне гибели Шеффер присутствовал в советском посольстве на каком-то торжестве, где сообщил, что недавно приобрел неизвестную ранее картину предположительно авторства Рафаэля Санти, но не сказал, где ее раско-

пал. Он предполагал, что это ранее неизвестный автопортрет художника. Сказал, что будет серьезная экспертиза и если она подтвердит авторство Санти, то всему миру будет счастье. А на другой день антиквара не стало. Картину или ее обгоревшие остатки тоже не нашли, а вот обгоревшие следы прочих раритетов, как рассказывали после пожарные, валялись повсюду.

– И чем дело кончилось?

– Его закрыли. Все указывало на то, что Вилле умер от несчастного случая. Надо меньше пить. – Бобровский прищурился на бутылку пива, которую держал в руке.

– Нет, подожди. Как это закрыли? Пожар мог скрывать двойное преступление. Убийство и кражу, – предположил Гуров. – Это сразу приходит в голову.

– Это ты верно подметил. Но существуют улики, а они, наверное, так и не были найдены. У Шеффера наверняка были враги, но все они оказались ни при чем. Но я согласен с тобой – история мутная. Подобное случается не так уж и редко. Вроде бы смерть по естественным причинам, а на самом деле у кого-то был мотив желать этой самой смерти. И вещи под шумок бесследно пропадают. Но иногда то, что исчезло, спустя время обнаруживается в коллекциях или на аукционах. Вот как оно туда попало? Правда, автопортрет Рафаэля так и не всплыл.

– Слишком много домыслов, Толя. Какие-то пожарные, полиция... Да не стали бы они болтать на каждом углу о том,

что видели в сгоревшем доме Шеффера.

– В этот раз я ручаюсь за подлинность истории. Дело в том, что тому, кто мне рассказал об этом, я не имею права не верить. Это был мой отец. В то время он приехал в Берлин в составе торговой делегации и лично присутствовал на том приеме, где Шеффер объявил о картине Рафаэля Санти. Отец провел в Берлине всего неделю, а информацией из полиции его снабжали сотрудники посольства. Жаль, теперь у него уже ничего не узнаешь.

– Он умер вскоре после нашего с тобой знакомства, – вспомнил Гуров. – А я и не знал, что он был так крут.

– Ты не знал, что мой папаша объездил половину земного шара?! – хохотнул Бобровский. – Действительно, откуда тебе знать? Я ведь не рассказывал. Ну нет, Гуров, так нельзя. Хочешь, расскажу, как французы пытались напоить отца водкой на саммите в Торонто? Тогда наливай.

Утро встретило Гурова ярким солнцем, и он не сразу вспомнил, что не дома. Сознание вернулось быстро, память тоже, и сразу стало понятно, что накануне вечером они с Толяном Бобровским вовремя прекратили пить и отправились спать. В противном случае Лев Иванович сразу после пробуждения помер бы от головной боли.

Вчера Бобровский постелил ему на втором этаже, а сам остался спать на веранде. Этим утром они встретились на просторной кухне, за деревянным столом, который Толян сколотил сам.

– Половина восьмого, – доложил Бобровский, ставя перед Гуровым сковороду с яичницей. – Яйца покупаю у соседей. Ешь давай, от такого не отказываются.

Гуров все еще прислушивался к себе: а вдруг все-таки у него похмелье, а он еще не полностью проснулся, чтобы его ощутить? Но на удивление, он чувствовал себя неплохо.

– Эх, Гуров, заставил ты меня вчера вспомнить молодость, – сказал Бобровский. – Отец привозил из загранкомандировок столько интересного! Однажды даже магнитофон прикупил в Италии.

– Хорошо посидели, Толя. Спасибо тебе. Надо ехать, а то пока доберусь...

Бобровский вышел проводить. Дошли до «Форда», пожали друг другу руки.

– Если что-то нужно, то я всегда готов помочь, – сказал на прощание Толян. – У меня в Германии есть парочка знакомых. Если необходимо покопаться в архивах... ну, ты понял.

– Спасибо, друг. Буду иметь в виду.

– Доброе утро, Вера, – поздоровался Лев Иванович.

– Доброе, – кивнула она.

– Наш-то свободен?

– Для своих он всегда свободен.

Увидев Гурова, генерал-майор Орлов нетерпеливо поманил его рукой. «Выглядит так, словно выиграл бой без правил. – Гуров не мог не заметить напряженный взгляд и сдвинутые брови начальника. – И Стаса что-то нет. Ругать меня

собрался? Да не за что вроде...»

– Садись. Докладывай, – приказал Орлов.

Гуров выбрал место за столом подальше.

– Голикова была в квартире Моргунова накануне своего исчезновения. Второго сентября.

– Свидетели есть?

– Конечно. Соседка по лестничной площадке. Между Моргуновым и Голиковой произошла ссора, и он выпроводил ее вон. Ссора произошла из-за неких предметов старины, купленных Моргуновым в Германии. Он продал эти вещи, уже находясь в Москве, и Голиковой это очень не понравилось. И Моргунов, и его соседка утверждают, что она долго кричала под дверь и требовала вернуть ей долги.

– Что за долги? – приподнял брови Орлов.

– Там целая история. Они вместе работали. Были переводчиками в советском посольстве в ГДР. Там между ними случился роман. Именно Голикова привила Моргунову любовь к винтажным предметам. Он увлекся этим делом настолько, что собрал целую коллекцию, состоявшую из облезлых пластинок, гнутых вилок, соломенных игрушек и побитых молью диванных подушек. Недорогие старые вещи, по своей сути практически бесполезные. Но Моргунов искренне верил в то, что они уникальны. Думаю, в этом его убедила Голикова. Она же и помогла ему переправить все это через границу в Союз.

– Далеко ты зашел, – покачал головой Петр Николаевич. –

Контрабанда, что ли?

– Можно и так сказать. При вывозе коллекции из Германии могли возникнуть сложности. Поэтому Голикова оформила коллекцию на себя, так как покидала Германию всего на несколько дней и вскоре должна была вернуться в Берлин. Она сделала упор на свой статус и не прогадала. Плюс была красавицей и за время пребывания в ГДР могла завести нужные знакомства, а это тоже нельзя сбрасывать со счетов. А вот Моргунова со всеми этими побрякушками могли задержать на таможне, так как он окончательно покидал Германию. К нему было бы больше вопросов, чем к ней.

– Опасная женщина. Им кто-то помогал повернуть эту аферу?

– В точку, Петр Николаевич. Одна Голикова бы не справилась. Кто-то помог ей оформить нужные документы или заранее подкупил таможенника.

– Так и запишем. – Орлов сделал пометки в блокноте. – Что еще удалось узнать у Моргунова?

– Только то, что я рассказал. У него алиби, я уже проверил. Третьего сентября он радовал своим присутствием врачей-кардиологов в больнице, откуда не мог уйти при всем желании. Дома его не было. Но вот что интересно... Моргунов показал мне фото своей коллекции. Он распродал ее, деньги давно потратил. Голикова, узнав об этом, внезапно потребовала свою долю. Вот тебе и долг, которого не было. А фотографии я отвез Бобровскому на оценку. Помнишь та-

кого?

– Искусствовед из Пушкинского? Конечно, помню, – ожи-
вился Орлов. – Умный мужик. Мы же его несколько раз кон-
сультантом приглашали.

– Иногда забегаю к нему за советом. Охотно помогает.

– А мог бы и послать. Все-таки не его поле деятельности.
Гуров привстал и положил перед Орловым фотографии:

– Вот они. По мнению Бобровского, ни один из экспонатов
не несет хоть какую-то ценность.

Орлов быстро перебрал фото.

– Ну и как тебе? – спросил Гуров.

– Я, конечно, не специалист, но это действительно му-
сор, – протянул генерал-майор.

– А Голикова утверждала, что это дорого-богато, – заклю-
чил Гуров. – Есть у меня одна мысль, Петр Николаевич. А
не могла ли Алевтина Михайловна таким образом провезти
через границу еще кое-что, о чем Моргунов мог не знать?
Она-то уж точно знала, что ее не будут досматривать, как
Моргунова.

– Так можно похитить все что угодно. Есть какие-то вер-
сии?

– С Бобровским нам повезло вдвойне. Его отец был в ко-
мандировке в ГДР и посещал наше посольство. Им устро-
или прием, на котором немецкий антиквар Вилле Шеффер
объявил, что приобрел автопортрет Рафаэля Санти. Никто
раньше эту картину не видел, а теперь она в его руках. Толь-

ко нужна экспертиза, но он уверен, что автопортрет подлинный. Его слова слышат все, кто был на том приеме. Но утром следующего дня Шеффер погибает в пожаре, случившемся в его доме. Следов картины не обнаружено. Ну и как тебе?

– Полагаешь, Голикова могла быть замешана в убийстве?

– Хотелось бы подробнее углубиться в ее прошлое.

Орлов откинулся на спинку кресла, постучал пальцами по столу.

– Хочешь вскрыть нарыв на теле партии? – усмехнулся он.

– А если эта картина до сих пор в России? – в тон ему ответил Гуров. – Моргунов ведь был начинающим исследователем, мог и сбить ее по незнанию за копейки. Но контакты покупателей у него не сохранились, я спрашивал. Распродажа коллекции случилась очень давно, вырученные деньги он уже потратил. Вряд ли полотно осталось у него, иначе он бы обратил на него внимание.

– Бобровский может быть знаком со многими ценителями старины, – сказал Орлов. – Подключи его. Пусть поищет автопортрет среди своих знакомых. Но, если честно, Лев Иванович, от этой гонки за призраками так сильно несет утопией, что я мало верю в успех. Но ты попробуй, конечно. А там чем черт не шутит. Похоже, у старушки была очень интересная жизнь. Как ты сказал? Убитого антиквара как звали?

– Шеффер.

– Да нет. Имя.

– Вилле.

– Смешно, – с каменным лицом произнес Орлов. – А теперь отправляйся в Шаткое. Стас уже там. Волонтеры что-то нашли.

Глава 5

Завидев знакомый «Форд», Крячко помахал рукой. Гуров тут же свернул к обочине и, проехав несколько метров, припарковался, оставив позади несколько патрульных машин.

Подошел Крячко, пожал руку. Гуров поежился – днем было жарко, а вот по ночам становилось все холоднее, и утром нужно было одеваться на улицу более основательно.

– Утром одна из волонтеров заметила на улице Марьяну, а на ней то самое малиновое полупальто, в котором третьего сентября ушла из дома Голикова, и сразу же сообщила об этом в полицию, – доложил Крячко. – Марьяна объяснила, что нашла его дома, случайно. Оно лежало на балконе в мешке для мусора. Говорит, что видит его впервые. Полагает, что в тот день, когда была у подруги на даче, пальто откуда-то принес Маркин, но не успел ей об этом сообщить.

– Участковый сказал, что в день смерти Маркина квартиру осмотрела полиция. Это как же «тщательно» они смогли это сделать, что миновали балкон? – с раздражением спросил Гуров.

– Вопросы не ко мне. А Денисевичу я уже все сказал. Примерно теми же словами, что и ты мне.

– Что еще говорит Марьяна?

– Сказала, что решила выгулять пальтишко до винного отдела в магазине. Пальто, скажем так, выглядит не слишком

чистым. На нем кое-где нашлись опавшие сосновые иголки. Соответственно, пальто побывало в лесу. В мусорном пакете, в который оно было завернуто, обнаружили остатки чье-то пиршества в виде несвежих листьев салата и пары кусков черствого хлеба. Да и снаружи его чем-то нездоровым измазали. Скорее всего, Гена подобрал его где-то на улице. А если быть совсем точным, то на свалке.

– И далеко еще до нее?

– Минут семь-десять.

Опушка леса осталась позади, шум машин с трассы звучал все глуше. Несмотря на присутствие многочисленных следов цивилизации в виде пустых пивных банок и прибитых дождем пластиковых пакетов, чувствовалось, что места здесь дикие, неудобные, никому не нужные. Поэтому, наверное, и образовалась в этих местах великая помойка, примыкающая к болотам.

– На улице-то тепло, – сказал Гуров. – Днем стоит жарыща. Даже сейчас, в десять утра, можно в футболке на улицу выйти. А Марьяна решила нарядиться в пальто. Зачем?

– Тут два варианта, Лёва, – заговорил Стас. – Один из них с психологическим подтекстом. Это когда что-то новое кажется поворотным моментом в жизни. Вспомни, как Марьяна описывала свои ощущения. Беспросветность, безысходность. Дважды теряла близких людей. Пыталась залить горе вином, но легче ей не становится. Работы нет, друзья отвернулись. Сплошной мрак, никаких перспектив. А тут вдруг

неожиданно такая красота – пальто. Да еще яркое. Вот и надела, чтобы показать себя тем, кто о ней плохо думал. Вот такая я, смотрите, даже одеться нормально могу. Ну а во вторых, Марьяна больна. У нее уже несколько дней высокая температура и кашель. Забрали в больницу с подозрением на пневмонию. Надев пальто, она просто хотела утеплиться. Не думаю, что она как-то причастна к исчезновению Голиковой, иначе бы избавилась от ее одежды и уж точно не стала бы появляться в ней на улице.

Они обошли глубокую лужу, перекрывшую тропинку. Не утонуть в грязи помог толстый слой сосновых игл и мелких сухих веток, плотным слоем закрывший землю.

– Почти на месте, – вытянул шею Стас. – Я попросил Рукоятникова выделить людей для осмотра свалки, но у него не оказалось свободных сотрудников. Пришлось привлекать со стороны. Ну и как же без участкового?

Тропы под ногами уже не было. Она незаметно расширилась и исчезла. Гурову открылась печальная картина: прямо перед ним, достигая в высоту метров двух, раскинулся холм, сложенный из мусорных мешков и того, что из них успело вывалиться. У его подножия спиной к сыщикам стоял Денисевич. Откуда-то слышались человеческие голоса.

В нос ударил резкий запах гнили. Странно, но по пути сюда Гуров его не чувствовал. Очевидно, лес, невзирая на то что его последовательно уничтожают, все-таки исправно выполнял свою функцию, очищая воздух.

Денисевич обернулся. На его лице красовалась медицинская маска веселого розового цвета. Он подошел, поздоровался с Гуровым.

– Рад видеть, Лев Иванович.

– Давно вы тут? – спросил Гуров.

– С девяти утра, – опередил участкового Крячко.

– Надеемся найти хоть что-то, что принадлежало Алевтине Михайловне, – добавил Денисевич. – Двое парней помогают, уже далеко ушли.

– Куда ушли? – не понял Гуров.

В этот момент над свалкой появилась голова в респираторе. Увидев, что Денисевич не один, парень сорвал с лица респиратор, открыл рот, чтобы что-то сказать, и тут же исчез из вида, видимо, не удержавшись на шаткой опоре.

– Итит твою мать! – раздался приглушенный крик.

– Выбирайся, Паш! – позвал Денисевич и взглянул на часы.

Паша вскоре показался с другой стороны – там, где высота мусорной кучи была минимальной и достигала максимум метра в высоту. Он распиная мешающие выбраться пакеты и наконец ступил на твердую землю. Его респиратор болтался у него под подбородком, а сам он был одет в потрепанную ветровку и джинсы с сизыми пятнами на коленях. Высокие резиновые сапоги блестели от влаги. Он приблизился, стаскивая с рук хлопчатобумажные перчатки.

– Ничего? – спросил Денисевич.

– Нет смысла там копаться, – недовольно пробурчал Паша. – Только с экологами и в спецодежде. Это опасное занятие. Видели, как меня снесло сверху? Так это еще я более-менее устойчиво держался. Там, дальше, совсем беда. Смотрите сами. Дожди плюс жара. Всё внутри мусорных мешков преет, как в сауне. И вонища. Я не знаю, куда Семен полез, но он, наверное, бессмертный. Сказал, что будет двигаться к болотам до тех пор, пока хватит воздуха в легких. А тут ведь еще и змеи водятся. – Он отвернулся и смачно сплюнул: – Фу ты, какой-то гадости нажрался.

– Ищем вещи по ориентировке, которую вы должны были получить в полиции, – сказал Гуров. – Список у вас есть?

– Ознакомились уже, – ответил Паша, вытирая пот со лба.

– Это волонтеры, Лев Иванович. Обыскивать свалку, в самом деле, крайне опасно, – поддержал Пашу участковый. – Тем не менее поиски будут продолжаться.

Паша подождал, пока Денисевич закончит, и взглянул на Гурова.

– Все, кого мы раньше искали, находились живыми, – сказал он. – И пенсионеры, и отдыхающие. Наверное, нам просто везло. Девчонка тринадцати лет недавно из дома ушла, четверо суток в лесу пряталась. Оказалось, что с матерью сильно поругалась и рассталась со своим бойфрендом. Все произошло в один день. Психанула и ушла к лешему. Взяла с собой воду, еду, сигареты, соорудила шалаш. Не заблудилась, не провалилась, не была похищена, не пыталась со-

вершить самоубийство. Всего лишь хотела напугать близких. Если честно, то лучше бы все вот так пропадали.

– В поселке проживаете? – спросил Гуров.

– С женой и сыном двух лет, – ответил Паша. – Работаю удаленно, так что могу выкроить время.

– Были знакомы с пропавшей?

– Нет. Может, и сталкивались где-то, но я ее даже по фото опознать не смог. Ладно, надо возвращаться. Семен там один. Завалится еще куда-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.